

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

САВЧЕНКО Дарья Сергеевна

ВРОДЕ КАК ЕДИНИЦА УСТНОЙ РЕЧИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ист. н., доц. БАРАНОВА Влада Вячеславовна

Санкт-Петербург

2016 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ.....	8
1.1. К истории вопроса.....	8
1.2. Современное состояние коллоквиалистики.....	12
1.3. Подходы к определению понятия «разговорная речь».....	16
ГЛАВА 2. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАГМАТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	22
ГЛАВА 3. ВРОДЕ КАК ЕДИНИЦА УСТНОЙ РЕЧИ.....	33
3.1. Словарное описание ВРОДЕ и его значение.....	33
3.2. ВРОДЕ как средство создания «нечёткого высказывания».....	37
3.2.1. Нечеткая номинация.....	38
3.2.2. Уменьшение степени категоричности высказывания.....	38
3.2.3. Аппроксимация (при точных данных).....	42
3.2.4. Функция ксенопоказателя.....	43
3.2.5. Функция хезитации и поиска.....	44
3.3. ВРОДЕ при противительных конструкциях.....	45
3.4. Устойчивые сочетания с ВРОДЕ.....	52
3.4.1. Конструкции с предлогом вроде.....	52
3.4.2. Вроде того что.....	66
3.4.3. Что-то вроде (э)того.....	66
3.4.4. Вроде бы, вроде как, вроде бы как.....	67
3.5. ВРОДЕ как предлог и как частица.....	74
3.6. Сочетаемость ВРОДЕ с различными языковыми единицами.....	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	93
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	95

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сочетаемость <i>вроде</i> в различных функциях.....	106
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Структура перцептивного эксперимента.....	110
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Соотношение <i>вроде</i> в речи людей разных возрастных групп в транскриптах непубличной речи УП НКРЯ.....	114
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Соотношение <i>вроде</i> в речи мужчин и женщин в транскриптах непубличной речи УП НКРЯ.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Разговорная речь в последнее время находится в центре внимания многих исследователей. Хотя её первичный статус по отношению к письменной речи всегда постулировался лингвистами, она до сих пор остается слабо изученной по сравнению с письменной формой кодифицированного литературного языка. Она обладает самобытностью, исходящей из условий мгновенного порождения в тесной связи с мыслительными процессами. Исследование устной речи может расширить горизонты как общетеоретических, так и прикладных направлений лингвистики.

В изучении разговорной речи заметную роль играет проблема слов с особым, прагматическим, значением. Исследователями давно замечено, что в области использования языка у части слов ослабляется лексическое значение и синтаксические связи, а на первый план выходит их прагматическая функция: указание на отношение говорящего к своей речи, структурирование дискурса, поддержание контакта и др. В данной работе проводится анализ функционирования, а также сочетаемости одного из таких слов – *вроде* – в русской устной речи.

Материал исследования составили 1200 контекстов из устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка, а также 226 контекстов из подкорпуса ОРД («Один речевой день») Звукового корпуса русского языка. Материал был собран методом сплошной выборки. Для каждого контекста были определены общая функция *вроде* (предлог или частица) и частные дискурсивные функции: ксенопоказатель, маркер хезитации и поиска, распространитель противительной конструкции и др., а также устойчивые сочетания с этим словом (*вроде бы/как/бы как, что-то вроде (э)того, вроде того что*). Контексты были размечены также по характеру единиц, присоединяющих данное слово в высказывании (см. приложение 1). Там, где это было возможно, указывались метаданные

информанта (его пол и возраст). Эти сведения могут быть полезны при дальнейшем дискурсивном анализе данного материала.

Объектом настоящего исследования послужила, таким образом, русская устная речь. **Предмет** исследования – функциональные разновидности слова *вроде* в русской устной речи.

Актуальность исследования определяется повышенным вниманием современных исследователей к устному дискурсу, и, в частности, к словам и конструкциям с особыми дискурсивными функциями. Данная тема привлекла внимание таких лингвистов, как Е. А. Земская, О. В. Лаптева, О. Б. Сиротинина, Н. В. Богданова-Бегларян, В. И. Подлесская, А. А. Кибрик, Н. В. Плунгян, Е. В. Рахилина, А. Н. Баранов, Н. Д. Арутюнова и многих других.

Несмотря на то, что слово *вроде* уже становилось объектом исследования (*Черкасова 1967; Лаптева 1985; Семёнова 2000*), оно до сих пор не рассматривалось как функциональная единица устной речи. **Новизна** настоящего исследования состоит в изучении его дискурсивных функций в аспекте прагматики устного высказывания.

Цель настоящей работы состоит в описании функциональных возможностей *вроде* в устном высказывании.

Достижение этой цели предполагает решение ряда конкретных **задач**:

- 1) изучение литературы по основным теоретическим вопросам, затронутым в исследовании;
- 2) изучение существующих описаний слова *вроде* в словарях, грамматиках и научной литературе;
- 3) сбор исследовательского подкорпуса материала;
- 4) обработка материала по функциям *вроде*, его сочетаемости, а также характеристикам информантов;
- 5) построение гипотезы исследования;
- 6) анализ материала;

7) проведение перцептивного эксперимента.

Настоящая работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных сокращений, словарей и литературы, а также приложения.

В исследовании были использованы описательный, сравнительный, экспериментальный **методы**.

Практическая значимость. Результаты данной работы могут быть использованы в описаниях грамматики и словаря устной речи, семантики и сочетаемости русских предлогов, в исследованиях речевого поведения русскоговорящих, а также в практике перевода и обучения иностранцев русскому языку.

Апробация. Основные положения данного исследования были представлены в виде докладов и сообщений на ряде конференций:

- XVIII международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет, СПб., 2015 г.),
- Научная сессия XVII Невские чтения «Наука, образование и культура в новых социально-экономических условиях» (Невский институт языка и культуры, СПб., 2015 г.),
- 5th Conference for Young Slavists in Budapest (Budapest University, Budapest, 2015 г.),
- XVIV открытая конференция студентов-филологов (Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2016),
- Международная конференция молодых филологов (Тартуский университет, Факультет гуманитарных наук и искусств, Отделение славистики, Тарту, 2016 г.).

По результатам проведенного исследования были опубликованы следующие статьи:

- 1) Предлог *вроде* как функциональная единица устной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 3 (27), 2014. – С. 31-41.
- 2) On Possible Functions of X_{ind} *вроде/типа/подобие* ‘like’ Y in Russian Colloquial Speech // Коммуникативные исследования. – № 4 (6), 2015. – С. 100-108.
- 3) *Вроде* в живой речи и речи кино: (не)совпадения и их возможные причины // Сборник трудов 5-ой конференции молодых филологов в Будапеште (в печати).

ГЛАВА 1

РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

Устная речь, лишь сравнительно недавно ставшая объектом лингвистики, привлекает к себе сейчас много внимания. Материалом устных текстов разного типа пользуются самые разные направления науки о языке: коллоквиалистика, социо- и психолингвистика, лингвистическая прагматика, фонетика, нейролингвистика, теория дискурса, лингводидактика, в том числе преподавание языка школьникам и иностранцам, и др. Делаются попытки составить на основе этого материала грамматические и словарные описания устной речи. Количество научных работ, затрагивающих тем или иным образом разговорную речь, практически необозримо. Более того, оно постоянно увеличивается. Представляется, что для характеристики русской устной речи как объекта лингвистики необходимо и достаточно ответить на следующие вопросы:

- как (в общих чертах) изучение устной формы русского языка пришло к своему современному состоянию?
- какие подходы к русской устной речи существуют сейчас, какие определения этого объекта предлагаются?
- в каких областях науки были и могут быть использованы данные, полученные исследователями устной речи?

1.1. К истории вопроса

Как уже было сказано, устная речь – объект для лингвистики сравнительно недавний. Древние традиции (индийская, античная, арабская, китайская), равно как и младограмматики XIX века, не интересовались ни устным языком, ни вообще современными процессами, происходящим в языке. У лингвистики этих периодов были свои задачи – нормативная и сравнительно-историческая.

В XX веке утверждается новый подход к языку. Появляется новый круг вопросов: что такое язык? как он функционирует? как соотносятся звук

и смысл? Изучение истории грамматики не могло дать ответов на эти вопросы, и языкознание обращается к современному языку.

Одними из первых, кто сумел выйти за рамки предшествующей парадигмы ещё в конце XIX века, были и Н. В. Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Н. В. Крушевский ещё в 1883 г. в «Очерке теории языка» высказал идею о том, что «язык есть не что иное, как система знаков» (*Крушевский 1883*). И. А. Бодуэн де Куртенэ определял язык, как психо-социальное явление, причём «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» (*Бодуэн де Куртенэ 1963*).

Самое, пожалуй, влиятельное в мире сочинение, обосновывающее новый подход к языку – это «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра (*Соссюр 1933*). Его главные тезисы – о языке как системе знаков социальной природы, об оппозиции «языка» (*langue*), «речевой деятельности» (*langage*) и «речи» (*parole*), о необходимости различать «лингвистику языка» (или собственно лингвистику) и «лингвистику речи» (вторичную область на пересечении наук: психологии, физиологии, культурологии и др.) – определили развитие структурного направления в лингвистике (*Соссюр 2006*).

Исследователи этого периода (20-х гг. XX в.) впервые заявили о первичности устной формы языка (раньше такой вопрос не стоял, поскольку реконструировались мертвые языки). Достаточно назвать классические работы – *Sapir 1921* (в изд. *Sapir 2004*); *Bloomfield 1926*. Однако это никак не изменяло реального материала, с которым работали лингвисты. Престиж письменной формы языка заставляет воспринимать написанное слово как реальное, а произнесенное – как его искажение. Как показано в (*Звуковой корпус... 2013: 17-21*), это «нативная», прирожденная проблема лингвистики. Этому, по выражению Л. В. Щербы, «первородному греху лингвистики» были подвержены и античные грамматики, и грамматические

труды XVII-XIX вв. Негласно эта ситуация сохраняется и сейчас: «Равноправие или приоритет письменного языка редко отстаивается в эксплицитной форме, гораздо чаще можно встретиться с имплицитной практикой, в соответствии с которой лингвисты обращают внимание только на письменную форму языка и полагают, что, изучая письменные предложения, они изучают язык вообще» (Кибрик А. А. 2009). Устные тексты трактуются как отступление от нормы, как «испорченный» (или индивидуализированный) язык.

В 20-е годы XX в. в России появляются работы, так или иначе освещающие устную речь. В 1923 г. выходит пионерская статья Л. П. Якубинского «О диалогической речи», где он ставит сразу несколько вопросов о речи, которые предстоит решать лингвистике XX века: о функциональных различиях в речевой деятельности, о прагматике высказываний («цели»), о роли жеста, мимики, характеристик голоса, интонации в общении, о психологической обусловленности формы высказывания, о восприятии речи, о «шаблонных высказываниях», используемых в различных ситуациях («одежда», «дом», «еда», «вставать и ложиться», «умывание», «о погоде», «торговля, купля и продажа» и т. д), об автоматизме речи (Якубинский 1923).

Идея о первенстве языка индивида, который обладает психической реальностью, непрерывностью, целостностью, однородностью, принадлежит ещё И. А. Бодуэну де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1963). У исследователей же, говорит Л. В. Щерба, существует определенная боязнь обращаться к индивидуальной языковой системе, так как она лежит в области «речевой деятельности», является фактом частного использования языка. Но ведь именно в речи проявляется язык, речь и язык находятся во взаимодействии, и, даже изучая древний текст, мы в каком-то смысле имеем дело с языком его автора. Л. В. Щерба разделяет второй элемент диады «язык» – «речевая деятельность» на две части: «система языка» – «речевая

деятельность» (процессы говорения *и понимания*) – «языковой материал» («совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы»). Так как эти три аспекта неразрывно связаны, а в непосредственном опыте нам дана только речь конкретных людей (и мы можем обратиться к их представлениям через эксперимент), то нет никаких препятствий к тому, чтобы её изучать. Более того, она – наше единственное «окно в систему языка» (*Щерба 1974*).

Со своей точки зрения рассматривала разговорный язык молодая советская социалингвистика. Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Р. О. Шор, А. М. Селищев, Е. Д. Поливанов описывают речь нового советского города и деревни, её источники, её реальность.

Уже тогда осознавалось, что пренебрежение к этим частям национального языка обедняет наше понимание целого. Б. А. Ларин обрушивается на идеальный миф о языке: «...игнорируя социальные диалекты, кроме крестьянских, те, кому бы следовало ставить проблему разговорного языка во всю ширь, предпочитают рассуждать о тысяче и одном стиле литературного языка, как своего рода сублимации социальных диалектов, чтобы не поколебать догмата об единстве и общенародности национальных языков. Я считаю этот догмат схоластической абстракцией, тормозящей нашу работу и в области современных языков, и в историческом языкознании» (*Ларин 1961*). В этой статье «Разговорный язык Московской Руси» (она вышла в 1961 г., но работу над этой проблемой Б. А. Ларин начал еще в 40-х годах, см.: *он же 1944*) отражено стремление ученого проследить историю разговорного языка до возможно более раннего периода (используя документы и «разговорники») и в комплексе с этим новым знанием описать эволюцию русского литературного языка. Эту эволюцию он представлял как

ряд последовательных приближений нормативного языка (на протяжении почти всей истории – только письменного) к разговорному¹.

1.2. Современное состояние коллоквиалистики

Можно сказать, что собственно лингвистическое осмысление разговорного языка началось только в 60-70 годах XX в. (и примерно в то же время – во всем мире). В эти годы начинают работать сразу несколько научных коллективов. В Москве издается труд о синтаксисе устной речи Н. Ю. Шведовой (*Шведова* 2003, первое издание – 1960 г.), позже в Ростове-на-Дону выходит книга Г. Г. Инфантовой на ту же тему (*Инфантова* 1973). С 60-х годов идёт работа над сборником устных записей (*Русская разговорная речь* 1978), на его основе создаётся первое общее описание русского устного языка как особой системы (*Русская разговорная речь* 1973). В Саратове работает школа под руководством О. Б. Сиротининой (*Сиротинина* 1974). Для саратовских ученых также характерен широкий подход к речи, разнообразие тем, ср.: *Кормилицына, Сиротинина* 1988; *Казеко* 1989; *Девятайкин, Сиротинина* 1992; *Викторова* 2015; и ряд др. Там же издается первый учебник по новому направлению науки о языке – «Введение в коллоквиалистику» (*Скребнев, Сиротинина* 1985). В Красноярске выходит книга «Современная русская научная речь» под ред. О. Б. Лаптевой (*Лаптева* 1985).

Этот период знаменателен для русской коллоквиалистики. Во-первых, разговорная речь впервые была описана как автономная система со своими законами. Во-вторых, был собран и издан для общего пользования корпус устных текстов (*Русская разговорная речь* 1978). Этот материал был использован и для сопоставительного исследования английского, русского и немецкого устного дискурса (*Miller, Weinert* 1998). Западные авторы

---

¹ Совершенно для тех же целей необходимо знать, как язык живёт в «устности», что и как в нём «неправильно», «съедено», сокращено. Письмо консервативно – это общее место; эволюция совершается в устном языке. Так зачем отказывать себе в возможности знать, как действует «устность», если это может помочь не только уточнить историю языка, но и вернее оценить его настоящее, заглянуть в будущее? Например, В. А. Плунгян (*Плунгян* 2005) приводит такой удивительный пример из протокола допроса, проведенного в 1671 г.: «О князь Иване Прозоровском и о дьяках, за што побил и какая шюба?» Нельзя не согласиться, что синтаксис этой фразы совершенно современный, причём разговорный.

с удивлением отмечают, что в Советском Союзе тоже (и без заметного отставания) проводились записи и исследования устной речи. В-третьих, разговорный язык занимает умы исследователей по всей России, школы складываются сразу в нескольких городах.

Это бурное развитие привело к тому, что в 80-е годы изучение «языка города» оформилось в отдельное направление (Юнаковская 2010). Создается множество работ по языку отдельных городов, сборники текстов, например «Разновидности городской устной речи» (Москва, 1988), «Речь города» (в 2 ч., Омск, 1995); «Живая речь уральского города. Тексты» (Екатеринбург, 1995); «Городская разговорная речь и проблемы ее изучения» (в 2 ч. Омск, 1997), «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» (Китайгородская, Розанова 1999), «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска): хрестоматия» (Юнаковская 2007), «Город в зеркале своего языка» на материале г. Ижевска (Прокуровская 1996), «Городские социолекты: пермская городская речь: звучащая хрестоматия» (Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В. 2000) и др.

В начале XXI в. в Санкт-Петербургском государственном университете начинает создаваться Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ). В нём есть две части (два модуля): «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) с записями монологов на заданные темы и «Один речевой день» (ОРД) – корпус повседневной речи петербуржцев, собираемый с использованием методики 24-часовой записи (см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2013: 67-144). По состоянию на май 2016 г. корпус ОРД содержит речь 127 информантов и примерно 850 их коммуникантов, более 1200 часов звучания и около 1 млн. словоформ в расшифровках. Об условных обозначениях, используемых в ОРД, см. (Шерстинова, Степанова 2009). Поначалу корпус ОРД строился по «принципу невода» (записывались любые добровольцы, но позже от этого принципа отказались, и теперь, напротив, корпус тщательно балансируется (см. об этом подробнее: Баева 2014; Богданова-Бегларян и др. 2015 а, б).

Проведя первые наблюдения над материалом, составители корпуса пришли к выводу, что практически все традиционные понятия лингвистики (*фонема, морфема, слово* и т. д.) изменяют свое содержание настолько, что необходимо поставить вопрос о создании отдельной «грамматики речи» (*Звуковой корпус... 2013, 2014. 2015*). Например, в устной речи «стираются морфемные швы и алломорфы как бы сливаются и взаимно проникают друг в друга» (*Звуковой корпус... 2013: 32*), в ней обычны так называемые «аллегровые» (редуцированные) формы многих частотных единиц дискурса: /š:’á s/ *сейчас* или /gr’ít/ *говорит*.

Исключительно трудной задачей оказывается вычленение в речи единиц, соответствующих традиционному *предложению*. Кроме того, авторы обращают внимание на такие речевые явления, как паузы хезитации (как незаполненные (физические, обусловленные ритмом дыхания, и нефизические), так и заполненные различными неречевыми или вербальными единицами: *а-а, м-м, э-э, это самое, как его, это* и др.), перебивы, повторы, оговорки, самокоррекция. Все эти явления необходимо включить в теоретическое осмысление и лексики, и синтаксиса, и рассматривать не изолированно, просто как имманентную особенность разговорной речи, а в системных связях (*Звуковой корпус... 2013: 27*).

Национальный корпус русского языка с 2005 г. также включает подкорпус устных текстов (УП) (*Гришина 2005*). Устный его подкорпус (УП) располагает большим объемом записей (11,3 млн.), в нем предусмотрен поиск по сфере функционирования той или иной единицы, по степени подготовленности, характеристикам говорящего и обстоятельствам произнесения. В него входят как расшифровки спонтанных бытовых диалогов (в том числе предоставленные исследовательскими группами из разных городов России, включая ОРД), так и транскрипты кино, лекций и телепрограмм (*Гришина, Савчук 2009*).

В 2009 г. в Москве вышла книга «Рассказы о сновидениях». Она состоит из двух частей: небольшого по объему, но тщательнейшим образом размеченного корпуса устных рассказов детей о своих снах и аналитической части. В центре внимания исследователей – процесс порождения речи и всё то, что вызывается к жизни трудностями спонтанного говорения: паузы, перебивы, исправления, темп речи, интонация и т. д. Отчасти это обусловлено целями проекта: сравнить речь здоровых детей и детей с невротическими расстройствами и попытаться найти средства диагностики. Как указывают авторы, «это первый корпус устного русского дискурса, основанный на систематических и эксплицитных принципах транскрибирования» (Кибрик А. А., Подлеская 2009: 4) К настоящему моменту рассказы о сновидениях стали частью электронной коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian, PrACS-Russ), в которой содержатся аудиофайлы с синхронизированными размеченными расшифровками. В данной коллекции, кроме «Рассказов о сновидениях», находятся три корпуса монологов («Рассказы сибиряков о жизни», «Веселые истории из жизни», «Истории о подарках и катании на лыжах») (Рассказы о сновидениях [сайт]).

Ставится проблема словарного описания устного языка. Можно назвать, например, «Путеводитель по дискурсивным словам» (Баранов и др. 1993), словарь «общего жаргона» (Ермакова и др. 1999), словарь экспрессивной разговорной речи А. А. Химика (Химик 2004), проект словаря прагматем (семантически неполных единиц, служащих для построения дискурса) (Богданова-Бегларян 2015). Эти словари сосредоточены по преимуществу на определенных группах слов. «Словарь современного русского города» (Гайдамак и др. 2003) включает лексику разных видов, а также идиомы, и комментариев на всех уровнях. Авторы «Толкового словаря русской разговорной речи» (Крысин 2008) ставят своей задачей описать всю лексику, «свойственную разговорной речи» (*принцип дифференциальности*),

при этом указывают на множество заимствований в неё из жаргонов, просторечия, диалектов (*принцип диффузности*). К каждой лексеме дается толкование и фонетические, морфологические, синтаксические и лексические комментарии (*принцип маркированности*). Эта концепция подверглась критике в (*Пожарицкая 2009*), в частности, сомнительной названа идея включить в словарь синтаксис и фонетические варианты слов.

Из всего сказанного видно, что изучение устной русской речи прошло долгий путь. Поначалу она вовсе была исключена из поля зрения лингвистики. В начале XX в. раздаются первые голоса в пользу её изучения, более благоприятным становится идейное окружение (социолингвистика 20-х, работы Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова). Однако начало исследований устной речи относится только к 60-м годам. Именно тогда разговорная речь определяется как самостоятельный объект – стиль литературного языка или отдельный идиом. В 80-90 гг. формируется дисциплина «язык города», исследуются особенности речи жителей разных городов, разрабатываются социолингвистические проблемы жизни языка в современном городе. В начале XXI в. возвращается внимание к сущности разговорного языка, и более к его «устности», к развертыванию устного дискурса. Исследователи стремятся как можно точнее отобразить звуковую сторону речи, изучаются паузы, тон, дискурсивные маркеры, стратегии и механизмы. Утверждается взгляд на устную речь как на более важный, чем язык, подлинно первичный объект исследования. Создаются словарные описания разговорной речи, общие и в отдельных аспектах (в том числе словари дискурсивных единиц).

1.3. Подходы к определению понятия «разговорная речь»

В научном обиходе есть несколько подходов к сущности разговорной речи. Первый предполагает, что разговорный язык является одним из функциональных стилей русского языка. Такого подхода придерживаются О. Б. Сиротинина и Г. Г. Инфантова.

Другой подход состоит в определении разговорной речи (языка) как отдельного идиома, совершенно отличного от кодифицированного литературного языка (КЛЯ). Отношения кодифицированного языка и разговорной речи при этом рассматриваются как особый вид диглоссии (Земская, Китайгородская 1981: 70). Этой точки зрения придерживаются Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Е. Н. Ширяев, М. В. Китайгородская и др.

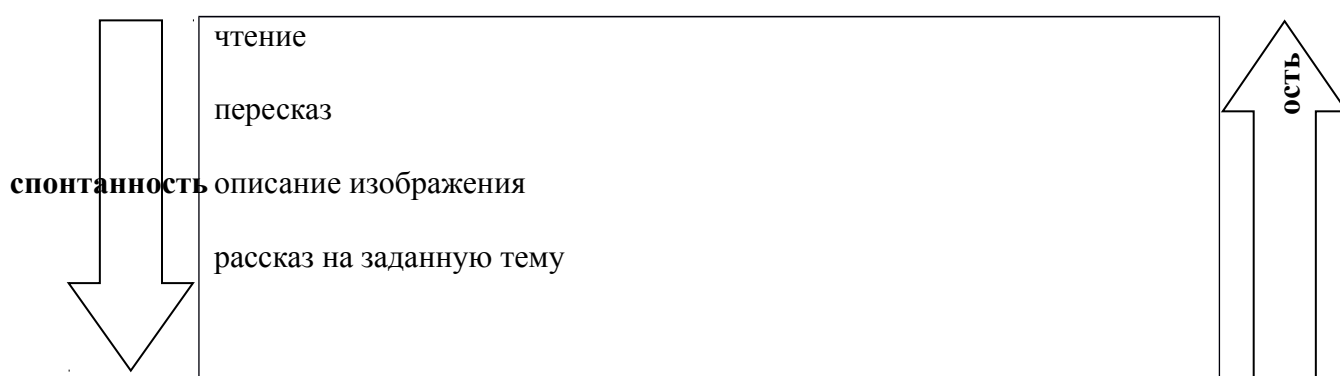
Е. А. Земская пишет, что в научной литературе термин *разговорная речь* имеет четыре основных значения. Автор предлагает называть *устной речью* «любую речь, проявляющуюся в устной форме», *городской речью* – речь населения города, под *бытовой речью* предлагает понимать «бытовую речь городского и сельского населения», а под *разговорной речью* – «непринужденную речь носителей русского литературного языка» (*Русская разговорная речь* 1973: 18). Объектом исследования в данной монографии является только последняя из них – непринужденная речь носителей русского литературного языка. Этот подход оправдан с социолингвистической точки зрения. В нём учитывается многоязычие города, тот факт, что в городской среде уживаются разные языковые коды. Если каждый из этих кодов считать в известной степени автономной системой, то для чистоты описания логично избрать, во-первых, наиболее общую (общепонятную) систему, обладающую (во-вторых) относительно единой конвенциональной нормой.

Главный признак разговорной речи, по Е. А. Земской, – *непринужденность*. Это психологическая категория, которая задается параметрами *установка* («отсутствие установки на официальность общения»), *отношение* («неофициальные отношения между говорящими») и *обстановка* («отсутствие в ситуации элементов, нарушающих неофициальность (диктофон, присутствие посторонних)») (*Русская разговорная речь* 1973: 9-10; см. также: Земская 2011: 5-9). Другие важные параметры речевой ситуации, по Е. А. Земской: число говорящих (монолог,

диалог, полилог), условия осуществления речевого акта (контактно или дистантно, например, по телефону), опора на внеязыковую ситуацию (к примеру, наличие предмета, который не называется напрямую: *Какие (сапоги) мне надеть?*), общность апперцепционной базы говорящих. Основными свойствами разговорной языковой системы называются *синкретизм* и *расчлененность*, действующие в разных планах (выражения/содержания, парадигматике/синтагматике) как две противоположные силы (*Русская разговорная речь* 1973: 31-33). Проявлениями *синкретизма* называются, например, широкое распространение бессоюзия и употребительность слов с общим (местоименным, «отсылочным») значением, полифункциональность форм и интерференция в синтаксисе и т. д. *Расчлененность* разговорной речи проявляется в наличии неоднословных номинаций, синонимичных однословным (*Дай чем писать*), наличии специальных звательных форм (*Петь! Петь-а-Петь!*), в высокой продуктивности производных слов типа *держалка, прочищалка* и др.

По-другому видят объект своего исследования создатели корпуса «Один речевой день». Изначально они принципиально не ставили ограничений на материал: «Принцип, положенный в основу организации этой части корпуса (ОРД – часть Звукового корпуса русского языка. – Д. С.), условно можно назвать “принципом невода”»: забрасываем широкую сеть в среду носителей языка, вытягиваем все, что в нее попало, и делаем это объектом многоуровневого анализа. <...> Принцип невода позволяет увидеть реальную, естественную, а не искусственно созданную в лабораторных условиях, жизнь, отраженную в речи» (*Богданова* 2010). Несмотря на то что от самого этого принципа разработчики корпуса впоследствии отказались, на охвате речевого материала это не сказалось. То есть любой *озвученный* речевой продукт становится объектом исследования, а прочие условия (официальность, непринужденность, спонтанность и пр.) учитываются, но не

ограничивают его. Утверждается, что всякое устное высказывание обладает спонтанностью. По такому принципу построена вторая часть Звукового корпуса русского языка – САТ (сбалансированная аннотированная текстотека). В ней содержатся устные монологи разного характера: чтение и пересказ текста, описание изображения, рассказ на заданную тему. Для текстов был введён параметр *лингвистической мотивированности*: наличия некоего стимула (первичного текста: вопроса, картины, текста и пр.), который привел к появлению вторичного текста. Речевые фрагменты были разложены по двум векторам: мотивированность/спонтанность, находящимся в обратной зависимости (см. рис. 1) Исследование показало, что даже самый мотивированный и, как предполагается, минимально спонтанный вид монолога (чтение) не лишен спонтанных речевых явлений (см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2013).

Рис. 1. Виды устных и письменных спонтанных монологов на шкале спонтанности/мотивированности

Ср. с мнением Е. А. Земской: «С нашей точки зрения, <...> объединяя для анализа факты разных видов устной речи (объект 1), исследователь изучает не единую языковую систему, а обнаружение черт устности (устной формы речи) в разных языковых системах. <...> В этой работе поставлена принципиально иная задача – изучить единый и целостный лингвистический объект: разговорную речь носителей литературного языка» (*Русская разговорная речь* 1973: 7).

Схожих взглядов придерживаются и создатели корпуса «Рассказы о сновидениях»: «В данной работе мы исходим из того, что устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной. <...> Наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» (Кибрик А. А., Подлесская 2009: 26). Для анализа в этом случае характерно пристальное внимание к процессу речепорождения, речевым сбоям, паузам, интонации, развертыванию устного дискурса, а также к когнитивной стороне этих явлений. Это тоже скорее исследование «устности» как особой языковой стихии.

Представляется, что все вышесказанное представляет собой не столько спор о свойствах объекта (разговорной речи), сколько два разных течения, каждое со своим объектом, которые используют один и тот же устоявшийся термин «разговорная речь». Первое занимается разговорной речью как кодом, имеющим свою норму и обслуживающим определенный языковой коллектив. Второе – устным языком как особой формой существования человеческого языка вообще, «устностью». Устный язык, как спонтанный, противопоставляется письменному кодифицированному языку, по текстам которого, что называется, «прошла рука редактора».

Настоящая работа основывается на второй точке зрения. Разговорная речь понимается как устная форма национального языка, первичная по отношению к письменной, обладающая собственным изводом грамматики и собственным словарем, а также многими особенностями, обусловленными формой ее бытования, которые неизвестны кодифицированному письменному языку. Примеры этих особенностей – средства организации высказывания, паузы, супрасегментные единицы, прагматические маркеры и проч. Понятия «разговорная речь», «устная речь», «разговорный / устный язык» используются на страницах данной работы как синонимы.

Параметр спонтанности внутренне связан с ещё одним терминологическим вопросом – называть ли устную продукцию «текстом»? В настоящей работе сочетание «устные тексты» будет использоваться просто в значении «устный материал», «транскрипты». Это употребление, вне всякого сомнения, не вполне корректно. Отделение текстов от не-текстов – трудная теоретическая задача, которую здесь раскрывать не имеет смысла. Рассмотрим только один пример. В. Г. Адмони предлагает воспроизводимые высказывания называть текстами, а разовые – не-текстами (Адмони 1994: 3). Но тогда остается вопрос, как отличить одно от другого (например, в записи лекции) и так ли важно – именно на данном материале – отличать? На рис. 1 чтение – воспроизводимый текст (уже со спонтанными элементами), пересказ – еще дальше от центра этого понятия, а описание картинки под него, казалось бы, вообще не подходит. Вместо различения получаем спектр, который только запутывает все. Спонтанный рассказ, если он произнесён всего один раз, – текст или нет? Связный и «литературный» спонтанный рассказ и очень вольный, «диалогичный», пересказ только что прочитанного – что из этого текст, или более текст? Чтобы не обращать внимания на эти трудности, в данной работе решено использовать словосочетание «устные тексты» в значении ‘связные отрезки расшифровок устной речи’.

ГЛАВА 2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАГМАТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Настоящая работа посвящена не исключительно вопросам прагматики, однако представляется необходимым изложить некоторые из её основных положений, которые будут использованы при анализе речи.

Термин «прагматика» (*pragmatism*, позже *pragmaticism*) был введен в науку исследователем семиотики Ч. Пирсом. Идеи Ч. Пирса были позже «переоткрыты» Ч. Моррисом и преимущественно в его трактовке вошли в лингвистику (см. в этом: *Fleisher-Feldman* 1986: 405-406)². Вслед за Ч. Пирсом Ч. Моррис противопоставил друг другу *семантику* (отношение знаков к тому, что они обозначают), *синтактику* (отношение знаков друг к другу) и *прагматику* (отношение знаков в том, кто их использует)³. Это деление само по себе не ново для европейской культуры. Ю. С. Степанов отмечает, что в нём прослеживаются следы средневекового «тривия»: грамматики, логики и риторики (которой соответствует современная прагматика) (*Степанов* 1981: 325). Т. В. Булыгина говорит о родстве прагматики и античной риторики с её понятием «соразмерности» (лат. *aptum*), то есть соотношения как формы и содержания речи, так и их зависимости от личности оратора и публики (*Булыгина* 1981: 333).

В современной лингвистике прагматика понимается как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» (*Арутюнова* 1990). Приведем ещё определения: «прагматика, очень грубо и достаточно широко, может

---

² Путешествие идей Ч. Пирса не было легким. К. Флейшер-Фельдман показывает, что они претерпели ряд трактовок и просто неправильных чтений. Когнитивный подход Ч. Пирса предполагал, что прагматика находится в области *competence*, а не использования языка, *performance* (в этом он стоит на одних позициях с Н. Хомским, но делает упор на пользование языком, а не синтаксис).

³ Трактовка Ч. Морриса, в противоположность Ч. Пирсу, была бихевиористской. Его определение прагматики звучит так: «прагматика – это часть семиотики, изучающая происхождение, использование и эффекты, производимые знаками, в рамках определенной деятельности» (“pragmatics is that portion of semiotic which deals with the origin, uses and effects of signs within the behavior in which they occur”) (перевод мой. – Д. С.) (*Morris* 1971: 302).

быть определена как наука об использовании языка»⁴ (*Haberland, Mey* 1977: 1); «Прагматика – это изучение отношения между строением знаковой системы (особенно языка) и её использованием в контексте, которое, вместе с семантикой, составляет часть общей теории значения»⁵ (*Levinson* 2001: 11948). В. Б. Касевич пишет, что «если для семантической интерпретации высказывания <...> требуется обращение к ситуации (описываемой высказыванием или выступающей в качестве коммуникативного акта), то мы имеем дело с прагматикой» (*Касевич* 1988: 52).

В лингвистической прагматике нельзя выделить ни единого подхода, ни противоборствующих теорий. Скорее, это несколько отдельных областей, которые помещают использование языка в центр своего описания. Среди этих областей теория речевых актов, теория вежливости, *conversational theory* (строение диалога и передача реплик); изучаются жестикаляция, пресуппозиции, дейксис, а также различные слова с прагматическим значением (прагматические маркеры); ведутся кросскультурные исследования этих явлений. Каждая из областей предлагает осмысление одного из аспектов речи.

Изложение целесообразно начать с некоторых базовых понятий. Согласно теории П. Грайса, в естественной коммуникации действует *принцип кооперации*: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» (*Грайс* 1985: 222). Этот принцип проявляется в четырех правилах, называемых «максимами (или постулатами) Грайса»:

1) *максима количества (quantity)* («твое высказывание должно содержать не больше и не меньше информации, чем требуется»),

---

⁴«Pragmatics, very roughly and rather broadly, can be defined as the science of language use» (перевод мой. – Д. С.).

⁵«Pragmatics is the study of the relation between the structure of a semiotic system (notably language) and its usage in context, and, along with semantics, forms part of the general theory of the meaning» (перевод мой. – Д. С.).

2) *максима качества (quality)* («не говори того, что считаешь ложным и того, для чего у тебя нет достаточных оснований»),

3) *максима релевантности (relevance)* («не отклоняйся от темы»),

4) *максима способа выражения (manner)* («выражайся ясно») (Грайс 1985: 222-223).

Эти постулаты П. Грайс рассматривает как *канон* речевого общения, которого *будет разумно придерживаться*, если мы хотим добиться результата общения (обмена информацией). Кроме того, автор считает, что большинство людей поступает именно так. Обход этих постулатов не ведет к разрыву коммуникации, но требует объяснения. Откровенное нарушение одного из постулатов ведёт к порождению подразумеваемого, скрытого смысла – *импликатуры* (мы можем вычислить импликатуру, только если думаем, что собеседник не нарушает принципа кооперации, а значит, пытается сообщить нам что-то) (Грайс 1985: 220).

Теория речевых актов связана с именами таких философов, как Ч. Остин, П. Грайс и Дж. Сёрль. Главный тезис этой теории состоит в том, что в основе коммуникации лежит некоторое речевое действие – приказ, просьба, угроза, вопрос, утверждение и др. *Речевой (или иллокутивный) акт (РА)* – это «минимальная единица речевого общения» (Searle 1965: 222). Иллокутивный акт может оказать воздействие на собеседника – перлокутивный эффект, или *перлокутивный акт* (сподвигнуть к чему-то, изменить эмоциональное состояние или запас знаний и др.). Внутри иллокутивных выделяют также вспомогательные пропозициональные акты, так как разные иллокутивные акты могут обладать одной пропозицией (*Он закрыл окно. Он закрыл окно? Пусть он закроет окно*). Иллокутивный акт обладает определенной *иллокутивной силой* – степенью воздействия на собеседника (Остин 1986: 83). Например, просьба и приказ имеют одну цель (сподвигнуть собеседника на что-л.), но разную иллокутивную силу. Кроме этого, выделяется класс *перформативов* – высказываний,

произнесение которых «равно совершению действия» (*там же*: 27), например: *Я объявляю войну, Объявляю вас мужем и женой*. Перформативы, в отличие от утверждений, находятся вне категории истинности.

Дж. Сёрль (*Сёрль* 1986) ввел противопоставление *прямых* и *косвенных* речевых актов. При произнесении прямого речевого акта человек имеет в виду ровно то, что говорит (*Передайте мне соль*). В случае с косвенными актами словесное оформление не совпадает с заложенным в высказывании *иллокутивным намерением* (хрестоматийный пример: *Вы не передадите мне соль?*). Это перекликается с понятием *импликатуры* П. Грайса (*Грайс* 1985).

Теория речевых актов получила развитие, в частности, в исследованиях *феномена вежливости*. В науке существует несколько объяснений этого явления: через понятие общественных норм («хороших манер»), с использованием максим в грайсовском смысле (через введение дополнительных «постулатов вежливости»), через понятие «лица» и посредством «общественного договора» (*Fraser* 1990). В настоящей работе в качестве базы принимается подход П. Браун и С. Левинсона (*Brown, Levinson* 1987). В основе их теории лежат два представления: о том, что любой компетентный член социума обладает *рациональностью* (способностью выстраивать своё поведение так, чтобы достичь поставленной цели), и о том, что каждый обладает *социальным лицом* – имиджем – в обществе. Социальное лицо – это потребности человека (*'face as wants'*), связанные с общественным взаимодействием. Эти потребности имеют двоякую природу: мы одновременно стремимся ощущать принадлежность к группе и одобрение её членов (это *позитивное лицо*) и оставаться независимыми, особенными, удерживать личное пространство (это *негативное лицо*). Вежливость понимается как стратегия поведения, направленная на сбережение социального лица всех участников коммуникации (в том числе своего собственного). В соответствии с двумя видами лица выделяется два вида вежливости – *позитивная* (демонстрация

доброжелательности, близости, включенности собеседника в группу) и *негативная* (попытка наложить как можно меньше обязательств на себя или собеседника). Т. В. Ларина называет эти типы *вежливость сближения* и *вежливость дистанцирования* (Ларина 2014).

Потенциальную угрозу лицу несут некоторые коммуникативные действия – «акты, угрожающие лицу» (*'face-threatening acts'*, FTAs). К ним относятся, в частности, просьбы, угрозы, оскорбления, критика, а также комплименты, хвастовство, благодарности и даже слезы, смех, неконтролируемые эмоции. П. Браун и С. Левинсон описывают пять стратегий осуществления FTA (Brown, Levinson 1987: 68-70):

- 1) прямое высказывание, «без смягчения ущерба (*without redress*)»;
- 2) позитивная вежливость (со смягчением ущерба позитивному лицу);
- 3) негативная вежливость (со смягчением ущерба негативному лицу);
- 4) косвенное высказывание, иллюкутивная сила которого размыта (это намеки, ирония, обобщение и др.)
- 5) отказ от выполнения FTA.

Стратегии 1-3 авторы называют *on-record*, «прописанными», то есть по сути конвенциональными. Косвенный РА (например, просьба в форме вопроса) воспринимается вежливее, чем прямой (*bald-on record*) РА в форме императива. Речевые акты, таким образом, в разной степени «возмещают ущерб» (*redress*) лицу. Зависимость косвенности РА и вежливости не прямая: как показало исследование (Blum-Kulka 1987), как самые вежливые (и в английском языке, и в иврите) воспринимаются именно конвенциональные РА, а намеки им проигрывают. Ш. Блюм-Кулька связывает это, в частности, с тем, что вычисление имплицатуры, содержащейся в намеке, требует от адресата дополнительных интеллектуальных усилий.

Теория П. Браун и С. Левинсона сразу же вызвала обвинения в этноцентризме. Свидетельства из японского (Matsumoto 1988), китайского (Gu 1990), игбо (Nwoye 1992), польского (Wierzbicka 1988) языков поставили

под сомнение универсальность понятий позитивного и негативного лица, угрозы лицу, рациональности⁶. Может возникнуть вопрос о степени применимости этой теории к русской культуре (особенно в свете статьи о родственной польской).

В настоящей работе используется аппарат теории П. Браун и С. Левинсона с учетом той переработки, которую предложил Дж. О’Дрискол в ответ на критику этой системы (*O’Driscoll* 1996). В своей концепции лица автор смещает акцент с уровня общества на уровень базовых психологических потребностей (это не осознаваемые постоянно нужда в общении и нужда в покое) и предлагает различать, кроме позитивного и негативного, *культурно-специфическое лицо*: «хотя желание иметь “хорошее лицо” универсально, содержание этого понятия меняется от культуры к культуре» (*там же*: 14). Вместо *возмещения угрозы лицу* (*redress*) Дж. О’Дрискол говорит о *вкладе лица* в коммуникацию (*face payment*). Он показывает, как в одних и тех же ситуациях разные культуры предпочитают позитивную или негативную вежливость. Например, в греческой культуре приглашение к столу будет сопровождаться восхвалением гостя (*Вы окажете нам честь*) и демонстрацией близости (*Хотя у нас немного еды, все наше – ваше*), тогда как английский хозяин постарается уверить гостя, что у него много пищи, он привык к гостям и тот его совсем не стеснит.

Ещё одна область – изучение различных речевых единиц с прагматическим значением (например, *ну, типа, значит* и др.). Разные элементы этого класса описывались в науке как «вводные слова» или «частицы» (в первую очередь модальные). Группа единиц, которые входят в этот класс, долгое время оставалась вне поля зрения лингвистов: их описывали как «сорняки» (*Фоменко* 2004), «слова-паразиты»,

---

⁶Рациональность как философская категория прагматики подвергалась критике не только с кросскультурной точки зрения. См., например, замечание Р. Копытко (*Копытко* 1995), который пишет, что «объективная» рациональность представляет собой далекий от реальности конструктор, поскольку не учитывает эмоции, волю, непостоянство приоритетов и т. д.

«информационный шум» (*Петрунина 2005*) и награждали другими уничижительными эпитетами. В русском языкознании вопрос об их языковой ценности был поднят совсем недавно. В работах А. Д. Шмелева (*Шмелёв 1998*) и Ю. В. Дараган (*Дараган 2000*) описывается их роль в построении дискурса (хотя они и называются по традиции «словами-паразитами»). Для этого явления предлагались различные термины: *прагмалексемы (Pragmalexeme) (Rathmayr 1975)*, *дискурсивные маркеры (Discourse markers) (Schiffrin 1988)*, *речевые автоматизмы (Верхолетова 2010)*, *прагматические маркеры (Fraser 1990)*, *прагматемы (Богданова-Бегларян 2014)*. По определению Б. Фрезера, любой сигнал может считаться прагматическим маркером, если он оказывает некий эффект на коммуникативном, а не только на пропозициональном уровне (*Fraser 1996: 167*). Исследователи отмечают ослабление семантики таких единиц, этот процесс называют «десемантизацией» (*Косошкина 2011*), «прагматикализацией» (*Gunthner, Mutz 2004; Богданова-Бегларян 2014*).

Высокая частотность условно-речевых функциональных единиц (в том числе частиц) в устной речи – широко известный факт. Особенно ожидаемо появление прагматических маркеров в проблемных участках дискурса: важных структурных узлах текста (где сбой особенно нежелателен), в абсолютном начале текста, при изменении его структуры, при необходимости детализировать сообщение (*Дараган 2003*). Устной речи присущ некоторый конфликт между линейностью развёртывания и той нелинейностью, с которой строится её содержание. Для одной и той же схемы содержания подбираются разные схемы выражения, которые реализуются то плавно, то с перерывами, возвращениями для доработки, перекрывая друг друга (*Кожевникова 1985*). В этих условиях «проблемных участков» в речи оказывается достаточно много.

В литературе выделяются различные виды маркеров, функционирующих в устной речи.

Дискурсивные маркеры (discourse markers – Shiffrin 1988; Fraser 1990) показывают отношение отрезка речи к окружающему контексту; они структурируют речь и поддерживают её когерентность (связность, согласованность). Т. ван Дейк указал на прагматическую функцию союзов в этом качестве (*pragmatic connectives – Dijk 1979*). Дискурсивные маркеры отмечают начало (*стартовые маркеры*), конец высказывания (*финальные маркеры*) или служат «мостиком» между двумя частями в середине фразы (*направляющие маркеры*) (Богданова-Бегларян 2014).

Маркеры чужой речи (ксенопоказатели – Арутюнова 2000; Левонтина 2010; Богданова-Бегларян 2015б), hearsay markers (Fraser 1990), quotation devices – Fox Tree, Tomlinson 2008) сигнализируют о том, что передаваемая информация получена от третьего лица (даже если речь не цитируется буквально). По выражению Н. Д. Арутюновой, они «маркируют присутствие Другого» (Арутюнова 2000: 448). В этой функции выступают, например, *мол*, глагол *говорит*, *говорю*, а также его редуцированные формы *грит*, *грю*, *гыт*, слово *типа* и др. Как замечает И. Б. Левонтина, чужая речь может не только передаваться, но и имитироваться (с помощью сочетаний типа *ля-ля тополя*, *ля-ля-фа-фа*, *тэ-тэ-тэ*, *тэ-тэ-нэ-нэ*, *тэто-это*, *бла-бла(-бла)* и др.) (Левонтина 2010) В таком случае ксенопоказатель становится маркером-заместителем (см. ниже). В. А. Плунгян пишет об угасании цитатного значения классических ксенопоказателей *мол*, *дескать*, *якобы*, но о сохранении ими модального значения (в том смысле, что они передают отношение говорящего к передаваемому высказыванию), а также о семантических параллелях с показателями «приблизительной номинации» (например, между *мол/дескать* и *типа*) (Плунгян 2008).

Маркеры-аппроксиматоры (approximators) сигнализируют о приблизительности сообщаемых сведений или формулировки (*типа*, *вроде*, инверсия *часа два* и др.) Исследование аппроксиматоров было начато Дж. Лакоффом, который предложил термин *hedges* (англ. 'намеренно

уклончивое выражение') – это «слова, функция которых состоит в том, чтобы делать понятия более или менее чёткими»⁷ (Lakoff, G. 1973: 421). В последовавших работах (Sadock 1977; Watchel 1980, 1981; Channell 1980) *аппроксимация* понимается как приблизительное обозначение числа (например: *У него на счету примерно 10 000 \$*) и как прагматический (а не чисто семантический, как у Дж. Лакоффа) феномен: с её помощью говорящий стремится сделать своё высказывание «нефальсифицируемым» (Sadock 1977) или дать только необходимую (согласно максиме количества) для данного разговора информацию (Watchel 1980). На английском материале аппроксимация исследовалась достаточно подробно, см., например: Wierzbicka 1986; Channell 1994; Bittner, Smith 2010. Исследований на русском материале гораздо меньше. В. И. Подлеская предлагает для этого феномена термин *нечеткая номинация* (Подлеская 2013).

Маркеры-заместители (там же) (placeholders) используются, когда наименование предмета невозможно или нежелательно для говорящего. При этом *заместитель* полностью подменяет собой имя (например, *штука, фигура, whatdoyoucallit*). В классификации Н. В. Богдановой-Бегларян маркеры, замещающие часть перечисления или все его целиком, называются *аппроксиматорами* (Богданова-Бегларян 2014).

Маркеры хезитации (заполнители пауз, паузы колебания, паузы хезитации, вербальные хезитативы – Кутруева 2015). *Хезитация* – это «внутренний перебив в процессе речепорождения, связанный с тем, что говорящий в силу каких-либо причин оказывается неспособным продолжать говорение» (Яковлев 1998: 176). О. А. Александрова выделяет следующие функции пауз колебания: они обеспечивают действие канала связи между собеседниками (коммуникативная функция), дают время говорящему

---

⁷В настоящее время *hedging* означает «риторическую стратегию, с помощью которой говорящий заявляет о неготовности нести полную ответственность за значение какого-то элемента высказывания или смягчает его иллокутивную силу» (Fraser 2010: 15). С этим широким понятием пересекается большое количество дискурсивных эффектов, таких как двусмысленность (*ambiguity*), преуменьшение (*mitigation*), нечёткость (*vagueness*), вежливость и другие (Clemen 1997).

для того, чтобы спланировать высказывание, позволяют проводить контроль и коррекцию речи на всех этапах ее порождения, помогают установлению контакта с собеседником и маскируют речевые затруднения или смущение. В то же время паузы колебания делают высказывание менее четким и понятным для собеседника, затрудняют коммуникацию (Александрова 2004). Заполненные паузы такого типа маркируют более нагруженные смыслом части высказывания и таким образом структурируют дискурс (Swerts 1998).

Маркеры поиска (поисковые маркеры) (Богданова-Бегларян 2015а), *маркеры препаративной подстановки* (Подлеская 2005) или *препаративной замены* (Дараган 2003) «используются говорящим в тех случаях, когда hesitation связана с “близким” поиском, т. е. когда предстоящая порция дискурса уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей» (Подлеская 2006: 125). В этой роли выступают сочетания *как его (её, их), как это, это самое* и под. Некоторые маркеры поиска согласуются с искомым словом в роде, числе и падеже (находятся с ним в *грамматической гармонии*), а это означает, что говорящий уже выбрал форму слова, и лишь затем начал подбирать лексему.

Метакоммуникативные маркеры (commentary markers). В лингвистике существует множество пониманий термина «метакоммуникация» (см. Грабовская 2013; Зайдес 2015). Для наших целей достаточно классического определения Ю. Руша и Г. Бейтсона: «Метакоммуникация – это коммуникация о коммуникации», то есть «любые указания и пропозиции о (а) языковом выражении сообщения и (б) отношениях между собеседниками» (Ruesh, Bateson 1951: 219). Е. К. Пигрова выделяет *метаязыковые маркеры* (указывают на то, как толковать смысл сообщения; автор выделяет показатели приблизительности как наиболее частотные из них) и *метатекстовые маркеры* («сообщают об определенном отношении

данного фрагмента речи к границам коммуникативного блока» – *Пигрова 2001: 3*).

Прагматические маркеры выполняют в речи большой спектр функций. Ю. В. Дараган (*Дараган 2003*) выделяет следующие функции:

- *контроль связности* текста; автор не употребляет термина «дискурсивные маркеры», но описывает маркер *ну* как сигнал начала текста, маркер *вот* как «*вот* финальное» и «анафорическое *вот*», поддерживающее «референциальную связность текста» (*там же*);
- *контроль адекватности*; сюда относятся аппроксимация и управление релевантностью – маркирование фрагмента текста как более или менее релевантного;
- *преодоление речевого сбоя*: паузы, редукция (сокращение информации, упрощение структуры в попытке упростить речевую задачу), апелляция к помощи собеседника, перифраз, препаративная замена).

Несмотря на то что о вопросе о необходимости *Словаря прагматических единиц* поднимался уже не раз (*Богданова 2012; Богданова-Бегларян 2013*), эта задача до сих пор не выполнена в достаточном объеме (однако нельзя не упомянуть – *Баранов и др. 1993*).

ГЛАВА 3

ВРОДЕ КАК ЕДИНИЦА УСТНОЙ РЕЧИ

3.1. Словарное описание ВРОДЕ и его значение

Анализ слова *вроде* как единицы устной речи уместно начать с обзора тех описаний, которые были даны ему в справочной и научной литературе.

В словарях *вроде* не имеет однозначной квалификации. Большинство словарей указывают, что это слово может быть предлогом (с род пад.) и частицей. Значение предлога даётся обычно через синонимическую замену: наподобие кого-, чего-л., как кто-, что-л.; подобно кому-, чему-н., сходно с кем-чем-н. (БАС 1951: 810-811), (Ожегов, Шведова 1992) (БТС 1998: 157) (МАС 1999) (Ефремова 2000) (БАС 2005: 241). «Русская грамматика» 1980 г. относит *вроде* к простым наречным предлогам (Русская грамматика 1980а: 705).

Более пристальный взгляд на семантику этого предлога показывает, впрочем, что она неоднородна. В ней можно выделить по крайней мере два оттенка значения: 'схожесть' (= «похожий на» *он лечился от нервной болезни вроде падучей*) и 'пример' (= «например», *новаторские биологические теории вроде теории Митчелла*) (Савченко 2014). Синонимы для этих оттенков значения не взаимозаменяемы. Проиллюстрируем это при помощи принципа равенства: $A=C$, $B=D$, но $C \neq D \Rightarrow A \neq B$. Пусть A и B – это разные значения предлога *вроде*, а C (*например*) и D (*похожий на*) – это наши «лакмусовые бумажки», своего рода диагностические замены. Итак,

- *(лечился) от нервной болезни вроде падучей = (лечился) от нервной болезни, похожей на падучую;*
- *новаторские биологические теории, вроде теории Митчелла (были полностью открыты) = новаторские биологические теории, например, теория Митчелла (были полностью открыты);*
- *(лечился) от нервной болезни вроде падучей $\neq$ *(лечился) от нервной болезни, например, падучей (искажение смысла);*
- *новаторские биологические теории, вроде теории Митчелла (были полностью открыты) $\neq$ новаторские биологические теории, похожие*

на теорию Митчелла (были полностью открыты) (были открыты все теории, а не только те, что по какому-то еще признаку похожи на теорию Митчелла).

Первое значение активизируется, когда предлог соединяет соположенные (единичные) предметы, второе – когда сопоставляются один предмет и группа, которую он представляет. Возможна ситуация, при которой предлог в первом значении сопоставляет класс предметов и единичный предмет. В этом случае выделяется подкласс, члены которого обладают каким-то общим свойством с этим единичным предметом:

- (0) [Иомдин Л., муж, 66, 1947] *Можно ли использовать эту базу как / ну / прообраз активного словаря / чтобы например понять / что можно по-русски сказать «тонкий стебель» / или ещё какой-нибудь такой / какой-нибудь / такой цилиндрический объект вроде тонкого кабеля или тонкой трубочки / но это нельзя отнести например к столбу / не говорят / «тонкий столб» / а говорят «узкий столб» («Диалог 2012» // Из коллекции НКРЯ, 2013).*

Похожий вывод был сделан для близкого по семантике английского предлога *like* в рамках The Preposition Project (*The Preposition Project* 2014), где ему приписываются значения Example (‘пример’) в группе значений Membership (‘принадлежность к группе’) и Thing-Similar (‘предмет-похожий’) в группе значений Tandem (‘соположенность’) (см. рис. 2).

like

• preposition

1. having the same characteristics or qualities as; similar to: <i>he used to have a car like mine they were like brothers she looked nothing like Audrey Hepburn.</i>	Tandem
• in the manner of; in the same way or to the same degree as: <i>he was screaming like a banshee.</i>	Tandem
• in a way appropriate to: <i>students were angry at being treated like children.</i>	Tandem
• such as one might expect from; characteristic of: <i>just like you to put a damper on people's enjoyment.</i>	Tandem
• used in questions to ask about the characteristics or nature of someone or something: <i>what is it like to be a tuna fisherman? what's she like?</i>	Tandem
2. used to draw attention to the nature of an action or event: <i>I apologize for coming over unannounced like this why are you talking about me like that?</i>	Tandem
3. such as; for example: <i>the cautionary vision of works like Animal Farm and 1984.</i>	Membership

Рис. 2. Карточка предлога *like* в *The Preposition Project*

Вроде в значении не-предлога словари толкуют более разнообразно. В таблице 1 представлены встретившиеся в словарях значения и частеречные пометы.

Таблица 1

Толкования не-предложного ВРОДЕ в словарях

Толкование	Часть речи	Словари
<i>разг.</i> Употребляется для выражения предположительности, неуверенности, сомнения	Частица	<i>БАС</i> 1951, <i>МАС</i> 1999, <i>Ожегов, Шведова</i> 1992, <i>БТС</i> 1998, <i>Ефремова</i> 2000, <i>БАС</i> 2005
<i>прост.</i> = Будто бы, как будто, как будто бы	Частица	<i>МАС</i> 1999
	Наречие	<i>БАС</i> 1951
<i>разг.</i> Употребляется перед перечислением (= как-то, а именно)	Частица	<i>БТС</i> 1998, <i>Ефремова</i> 2000, <i>БАС</i> 2005
	Союз	<i>БАС</i> 1951

Как видим, современные словари толкуют *вроде* как частицу с двумя значениями: модальным (выражение предположительности и неуверенности) и пояснительным (перед перечислением). Второе значение ни разу не встретилось в материале данной работы. Можно с уверенностью сказать, что оно отмирает, по крайней мере, в устной речи.

О. В. Семёнова рассматривает *вроде* как *омокомплекс* – это «заглавное название для группы функциональных омонимов и зоны синкретизма» (Семёнова 2000: 1). Автор пишет: «*Вроде* определяется как слово только в речи, взятое вне речевого контекста и вне речевой ситуации *вроде*, имеющее функциональные омонимы, не может быть точно определено грамматически» (там же: 1). В данный омокомплекс входят:

- 1) *в роде* – предложно-падежное сочетание, которое является источником для прочих функциональных омонимов;
- 2) *вроде* – производный предлог;
- 3) *вроде* – частица;
- 4) *вроде* – часть формирующегося союза *вроде (бы) как, вроде (того) как*.

Семантика частицы *вроде* в данной работе получила подробное описание с точки зрения степени модального значения недоверности, которое она выражает. Оттенки значения описываются в корреляции с местом частицы в предложении и другими грамматическими средствами выражения. Высказывания с частицей размещаются на шкале переходности, где А – высказывания, основанные на уверенности, Б – высказывания, основанные на незнании:

1) Аб (уверенность > незнание; периферия истинных суждений) – обычно препозиция, сказуемое – имя, обычно инверсия второстепенных членов предложения. Модальные оттенки: близкая вероятность (= как будто) *Он вроде бросил институт. Вроде стучат? – тихо спросила Мария Трофимовна*; наибольшая уверенность, некатегоричная оценка; допущение: *Да и приказ вроде как есть, по радио говорили, поворот на старые места делать* (Ф. Абрамов);

2) АБ (уверенность = незнание; неопределенные суждения) – как правило, постпозиция, обычно обстоятельство. Модальные оттенки: Сомнение в достоверности информации, полученной от другого лица (= будто): *И ещё рыбаки сказали, что вроде бы никакой экспедиции нынче на Курейке не было* (В. Астафьев); неуверенная номинация и характеристика; неуверенность;

3) аБ (уверенность < незнание; периферия неистинных суждений) – антонимия частей предложения, союзы *а*, *но* и др. Модальные оттенки: кажимость (уступительное значение); обманчивость восприятия; глубинное сомнение. *Вроде скачут все вперёд, а стоят на месте* (Е. Евтушенко). В таких предложениях «говорящий убеждает себя, причём некатегорично, в происходящем, но это убеждение с оттенком сомнения, вторая часть предложения заставляет думать об обратном, сигнализирует о противоположном» (Семёнова 2000: 12).

Нетрудно заметить соответствие некоторых из этих модальных значений прагматическим маркерам, названным в главе 2 настоящей работы: аппроксиматорам, маркерам нечёткой номинации (Аб, АБ), ксенопоказателям (АБ). Прагматический и семантический планы очень тесно связаны, особенно у таких единиц, как модальные частицы, основная функция которых – передача отношения говорящего к речи, то есть метакоммуникативная. Однако с трактовкой третьей группы (аБ) нельзя полностью согласиться; в устной речи для неё находятся контрпримеры (см. об этом подробнее в разделе 3.3 настоящего исследования).

Детальное описание семантики частицы *вроде* выходит за рамки данной работы, однако приведённые здесь закономерности будут полезны при анализе *вроде* в прагматическом аспекте.

3.2. ВРОДЕ как средство создания «нечёткого высказывания»

В данном разделе рассматриваются общее и частные прагматические значения слова *вроде*.

Общая функция *вроде* в устной речи – это сигнализация о том, что говорящий по той или иной причине не берет на себя полной ответственности за содержание высказывания или желает смягчить его иллюкутивную силу (в том числе в утверждении) – то есть это реализация hedging'a в определении Б. Фрезера (см. раздел 2.2 настоящего исследования). Другими словами, *вроде* используется для создания нечеткого высказывания (*hedged utterance*). Прочие функции этого слова, которые будут рассмотрены ниже, – это частные проявления этой общей функции.

Вроде, как и другие прагматемы, представляет собой сложную полифункциональную единицу, роль которой определима только в конкретном контексте. Однако можно выделить некоторые основные тенденции и возможности его использования. Далее рассматриваются функции, которые может выполнять в устной речи одиночное *вроде*.

3.2.1. Нечеткая номинация

В функции маркера нечёткой номинации (НН) выступают конструкции с предлогом. *Вроде* в них практически взаимозаменяемо с синонимичными предлогами *типа* и *наподобие*. Однако *вроде* – самый частотный из них (из полной выборки в 181 контекст из НКРЯ – *вроде* 64 %, *типа* 32 %, *наподобие* 4 %) (Savchenko 2015).

Нечёткая номинация используется, когда прямое наименование предмета неизвестно говорящему, или неприемлемо для него, или не существует. Например:

- (1) [Бахтин, муж] *Дом вроде усадьбы / там все было / как в усадьбе* [Беседы с М. Бахтиным. М., 2002, 1973];
- (2) [Юлия, жен, 23] *Ну / типа / они к основанию волос крепятся / к корням на капсулы / там что-то вроде воска* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В (1) говорящий использует родовое понятие *дом* и конкретизирует его с помощью предложной конструкции (*дом, похожий на усадьбу, но не усадьба*). В контексте (2) на первой позиции в конструкции стоит неопределенное местоимение (*что-то*).

Часто маркер НН выступает в качестве добавочного пояснения к ранее названному предмету. Например, в (3) данный маркер употреблен в отдельной синтагме после паузы и предваряется дискурсивным (и, возможно, поисковым) маркером *ну*. Можно предположить, что книга относится к жанру путевых заметок, говорящий сближает его с понятием «автобиография» по признаку «написано от первого лица»:

- (3) [№ 1, жен, 18] *Такая книга прикольная / про Полинезию. Ну / вроде автобиографии. Интересно* [Телефонный разговор двух женщин // Из коллекции НКРЯ, 2005].

3.2.2. Уменьшение степени категоричности высказывания

В этой функции реализуется основное модальное значение частицы *вроде* – сигнализировать о возможной недостоверности высказывания. В ситуациях припоминания это значение реализуется достаточно прямо, ср.:

- (4) И31 *так // вроде всё я взяла // *П *Н на всякий случай взять ?(ОРД);*
- (5) Ж1 *ну вот / потом ещё хочу посмотреть (м) в зоомагазине там ... *П там вроде такой достаточно большой магазин ... *П хотя самый большой по-моему на Мужества (ОРД).*

Однако в некоторых высказываниях употребление *вроде* менее оправдано с точки зрения семантики. Его функция становится скорее тактической – говорящий использует частицу для того, чтобы «на всякий случай» смягчить категоричное суждение и уберечься от возможной ошибки. Например, в (6) соседи обсуждают неполадки с водопроводом. Реплики И124 для удобства подчёркнуты:

- (6) И124 *так что сосед сверху тоже матюгался что у него вся стенка мокрая // Ж1@И124 угу / ну меня тоже / у меня я туда даже шкаф подвинула чтобы обои отвалились ... *П *Н / но это давно было // @ во во во / вот и у нас тоже вот угол вот этот вот где шов шёл всегда обои отваливались / всегда // И124 да // Ж1 угу // *П И124#Ж1 сейчас вроде такого не было // # ага / это месяца четыре назад у меня там всё вот так мокренько было а сейчас высохло уже (ОРД).*

Логично предположить, что И124 помнит, когда их квартиру в последний раз залило – давно или недавно (обращает на себя внимание также употребление *сейчас* в значении ‘в недавнем времени’). Вероятно, И124 не уверен, случилось ли это у Ж1, и «размывает» высказывание в ожидании подтверждения.

Использование или неиспользование маркера приблизительности зависит от выбора говорящим речевой стратегии и его роли и статуса (в том числе от пола: женщины используют маркер *вроде* в бытовой речи в 1,7 раз чаще, чем мужчины – см. приложение 4). В контексте (7) ребёнок (PM2) не видит ничего перед собой, но так как утверждение предполагает ответственность (если он проглядит забытый предмет, тот потеряется) он прибегает к стратегии нечёткости (*hedging*’у). Взрослый (И91) начинает свою реплику с *нет* (возможно, не обозначающее здесь полного отрицания; *нет* можно интерпретировать как дискурсивный маркер старта ср.: *Нет, это-то да, не поспоришь*), затем использует императив *обойди* с частицей *так*

с оттенком упрёка («мог бы и сам догадаться»). Однако, когда он и сам ничего не видит, он «отступает»: *н у и т а к* маркируют высказывание как менее важное, он так же как и ребёнок, использует маркер неуверенности:

- (7) Ж1 *что такое* // РМ2 *ну нет* ***вроде ничего нету*** // *П И91 *нет так ты обойди* // *П И91 *ну так я тоже вижу что* ***вроде ничего не оставили*** (ОРД).

В примере (8) клиент компании звонит в службу поддержки и требовательно заявляет о проблеме. Он неформально общается с женщиной-оператором (употребляет слово *палился* в значении ‘обнаруживался’). Встретив категоричный отказ (*По телефону такой вопрос не решается*) он, видимо, блефует (*У вас написано решается*), пытаясь смутить её тем, что поймал на лжи. Когда оператор реагирует так же решительно, прямым вопросом с оттенком угрозы, говорящий сначала отказывается от полного знания (*А я не знаю*), потом использует маркер ренарратива *говорят* (перекладывает ответственность на кого-то неопределенного), а в конце употребляет маркер приблизительности *вроде*. Получается, что цепочка его пресуппозиций выглядит так: *я знаю – я не знаю – кто-то знает – я либо знаю, либо не знаю*:

- (8) [Клиент, муж] *Вы мне объясните хотя бы, что сделать, чтоб мой антивирус не... Троян не палился вашим антивирусом? Какая-то может быть...* [Оператор, жен] *По телефону такой вопрос не решается* [Клиент, муж] *Как не решается? У вас написано решается.* *Ну, вот так что объясните, как и где?* [Оператор, жен] *Где это написано?* [Клиент, муж] *А я не знаю где. Где-то, говорят, написано* [Оператор, жен] *Почему же вы говорите, что это написано?* [Клиент, муж] *Ну где-то написано, **я вроде читал.** Поэтому звоню вам* [Звонок в лабораторию Касперского // Из коллекции НКРЯ, 2007].

Использование маркера неуверенности желательно также и при передаче чужого мнения, ментального состояния. В таких контекстах, впрочем, невозможно бывает понять, было ли это мнение озвучено другим человеком:

- (9) Карина, жен, 20] *Потом взяла первые / которые понравились и все. Вроде / ей понравились тоже* [Телефонный разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2006];
- (10) [Юлия, жен, 19] *Обычно «Шауму» брала / что-то после него перхоть появилась / теперь вот «Тимотей» с лимоном беру / родителям вроде нравится.* [Разговор студенток на прогулке // Из коллекции Ульяновского университета, 2007].

Часто *вроде* используется при выражении оценки и при ответе на вопрос *Как дела?* В первом случае желательно оставлять некоторый зазор на разницу мнений – слишком категоричное суждение может вызвать споры и затормозить коммуникацию. Примерного обозначения в этом случае вполне достаточно:

- (11) – *А с витрины можно эти ботиночки? Они поярче вроде* [Продавец:] *Пожалуйста* [Разговоры в универмаге // Русская разговорная речь: Тексты, 1978, 1971-1977].

Особенно это касается такого социально опасного действия, как оценка другого человека. В (12) перед оценочным словом выстраивается цепочка из аппроксиматора, *н* у в качестве заполнителя паузы хезитации (ПХ) и незаполненной ПХ. Возможно, говорящий находился в процессе поиска и выбрал в итоге самое нейтральное обозначение *нормальные*:

- (12) И95 ну нам просто нужно будет приехать (...) и всё-таки там во-первых всё зафотофиксировать / *В посмотреть / действительно ли там был эксклюзив / о котором они говорят // Ж1 угу // *П И95 ну по поводу СПбГУ я не сомневаюсь / они там вроде ну (...) нормальные / вот в ФИНЭКе м*даки работают / *П это да (ОРД).

Во втором случае формульным русским ответом на вопрос *Как дела?* будет нейтральный, не выражающий ни позитивного, ни негативного. Например, в разговоре (13) первый собеседник отвечает *нормально*, второй – *ничего*. Ответ часто снабжается маркером неуверенности, видимо, чтобы сделать его ещё менее информативным. Таким образом реализуется одновременно и негативная стратегия вежливости ('вам не нужно волноваться обо мне'), и позитивная (говорящий не желает казаться слишком благополучным, чтобы поддержать коллективное равенство):

- (13) Ж1 *как дела?* // *П И72 нормально / *у тебя как ?* *П Ж1 *вроде тоже ничего* (ОРД);
- (14) [Ира, жен, 19] *Как ты?* [Оля, жен, 19] *Ну вроде получше / а ты как?*
[Ира, жен, 19] *То же ничего* [Телефонный разговор московских студенток // Из коллекции НКРЯ, 2007].

В ситуации (14) собеседница 1 задает вопрос *Как ты?* (его пресуппозиция – ‘я знаю, что с тобой случилось что-то, и спрашиваю об этом’). Собеседница 2 старается сгладить своей ответ, используя маркеры *ну* и *вроде*, а также форму с приставкой *получше* – как в (11).

3.2.3. Аппроксимация (при точных данных)

Это частный случай аппроксимации – указание на то, что говорящий не несёт ответственности за точность сообщаемых данных. От прочих случаев аппроксимации эти отличаются тем, что данные такого рода (на что указывал Дж. Лакофф) могут действительно быть расположены на шкале приближенности к реальному значению: в сочетании *что-то вроде 50 млрд. долларов* мы подозреваем округление в некоторых рамках, а не выбор из двух альтернатив, как например, в (15) (или американскую, или нет):

- (15) [№ 1, жен, 19] *Американскую или русскую [певицу]?* [№ 2, жен, 19] *Американскую вроде* [№ 1, жен, 19] *Мадонну или нет?* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2005].

Другими словами, аппроксимация *вроде X* в этом случае задает некоторый интервал возможных значений X. Чаще всего аппроксимации подвергаются числа (16) и цитаты (17):

- (16) М 1 *двухтысяча третий / не двухтысяча четвертый вроде / двухтысяча третий* // *П да / *двухтысяча третий* (ОРД);
- (17) [№ 2, жен, 20] *Ну / что-то / знаешь / вроде «здравствуйте / мои дорогие сестренки» / «Лена / извини / что мы с тобой не встретились» / «надеюсь ты мне сообщишь свой контактный телефон/ и мы с тобой будем общаться» что-то такое... И там мне она... То есть получается / как будто она написала одно письмо и послала его видимо и мне / и Лене...* [Телефонный разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2006].

В контексте (17) говорящий использует вспомогательные дискурсивные средства для оформления приблизительной цитаты: контактный глагол *знаешь* (апеллирует к ментальности собеседника, устанавливает контакт), *что-то такое* – маркер приблизительности в постпозиции к высказыванию (дополнительно указывает на возможную неточность).

3.2.4. Функция ксенопоказателя

Аппроксиматор часто сопровождает передачу чужой речи или просто информации, полученной от другого. В этом случае информация потенциально недостоверна именно по этой причине. Аппроксиматор может сопровождать глагол говорения, как в (18) и (19), при этом маркер может присоединяться как к глаголу (говорящий сигнализирует о сомнении в самом факте сообщения), так и к ренарративу:

- (18) Ж1 *а вы разве Кейш% ? *П И113 я да / Кейш% // *П И113 а (...) кого-то поставили другого / да / за...*П Ж1 странно / вот написано на кого *Н // *П И113 ну / если написано / то (...) написано // *П Ж1 (а-а) / говорила вам // *П И113 ну(:) вообще мы как (...) обговаривали / **что вроде бы да** // *П а я просто позвоню тогда Татьяне% и...и уточню (ОРД);*
- (19) Ж1 *Лидия_Георгиевна% (...) на время вашего отпуска на () кого сказала возлагать обязанности ? а / всё у вас нормально / передаёте / да // не не / просто тут другой сотрудник подошёл / **вроде говорит она должна была** (ОРД).*

Аппроксиматор может выступать в роли союза (вместо *что*) после глагола. В (21) *вроде* маркирует и сам ренарратив целиком, и отдельно его рематическую часть (*молоток*):

- (20) М1#И12#М1 **Н # не увеличена ? а она говорит / **вроде память у меня хорошая говорит** / *В (э...э) говорит ... # у неё машина с Экселем / потому что у неё файлы большие / и (...) *Н (ОРД);*
- (21) [Клава, жен, 60] *Мишка говорит / **вроде приходили** / **потому что там лежит вроде молоток** / да еще что-то [О ремонте // Из материалов Ульяновского университета, 2007].*

Вроде может быть ксенопоказателем и в отсутствие других маркеров этого типа. Например, в (22) говорящий использует маркер, чтобы указать на то, что о дате выписки ему сказали – он не решает это сам. При этом

на переспрос (*Точно?*) он также отвечает нечётко (*вроде / да*), но на вопрос о времени дает уверенный ответ – *утром*:

(22) И130 (э-э) *когда ты собира... когда тебя будут выписывать ? М1 завтра вроде бы // И130@М1 точно / да ? @ вроде да // И130 утром вечером / не знаю // М1 утром* (ОРД).

Так же маркируется информация, полученная из газет, телевидения, например, о прогнозе погоды (23) или светская хроника (24):

(23) И42 *какой будет / прогноз ? *П Ж1 да вроде у нас теплеет // если я уеду / так потеплеет !* (ОРД);

(24) [Света, жен, 47] *Давай вот сюда положим... Ты не слышала / что / вроде Пугачева за Галкина замуж вышла?* [Пересказ сериала // Из коллекции НКРЯ, 2006].

3.2.5. Функция хезитации и поиска

Как и в случае с ксенопоказателем, поисковая функция для этого маркера – побочная, она реализуется вместе с основной аппроксимативной. *Вроде* может, как и другие хезитативы, использоваться для того, чтобы «выиграть время» при поиске, а кроме того, сигнализировать о неабсолютности найденного наименования. Поиск оформляется также паузами, другими поисковыми маркерами (*как-то так, ну*), ср.:

(25) И21 *ну вот // *П поскольку (...) был я навеселе блин / *П то информация эта у меня как-то так ... / вроде тормозит / и нормально* (ОРД);

(26) [В., муж, 40] *А старики / они сначала приехали / ну в смысле вот Анечка с Верченкой-то / они сначала приехали / а потом уже мы сюда вроде это / к ним / уже есть куда было переезжать* [Разговор знакомых // Из материалов Саратовского университета, 1989].

В (26) речь информанта строится с большими затруднениями. Он самоисправляется (вставляет пояснение, вводимое дискурсивным *н у и ну в смысле*), затем не может сразу подобрать верное речевое оформление для своей идеи: использует почти десемантизированный хезитатив *вроде* (= *как бы*), маркер препаративной подстановки *это*. Компрессии типа *куда было переезжать* вместо имени (**место, куда можно было переезжать*) – распространенное явление в устной речи (*Русская разговорная речь* 1973: 33),

но этот случай интересен тем, что в нём сохраняется идея прошедшего времени (не *куда переезжать*, а *куда было переезжать*).

Обобщая, можно сказать, что одиночное *вроде* может использоваться для различных целей: примерного именованя, реализации речевой стратегии уклончивости в разных ситуациях, аппроксимации в узком смысле (для точных данных), оформления речевого поиска, как ксенопоказатель. Во всех этих частных случаях реализуется стратегия нечеткости (*hedging*), основная для *вроде*.

Интересен вопрос о том, почему люди так часто используют стратегию нечёткости. Существует множество исследований уклончивости в научных текстах, где она является просто хорошим тоном (*Markkaren 1997*), П. Браун и С. Левинсон указывают на её связь с вежливостью (*Brown, Levinson 1987*), но скорее в императивах и комиссивах, а не в утверждениях. Напротив, размытость в утверждениях нарушает принцип кооперации П. Грайса. Впрочем, в разделе 3.2.2 были показаны случаи, в которых это нарушение приносит говорящему или всей группе определенную выгоду. Можно сказать, это норма бытовой речи. Некатегоричное высказывание достаточно информативно для продолжения коммуникации (об этом писал (*Sadock 1977*)), но при этом сохраняет комфортную ситуацию, когда ни говорящий, ни собеседник не обязаны сверх необходимого концентрироваться на произносимой речи. Бытовые разговоры идут как бы в постоянном поле неопределенности.

3.3. ВРОДЕ при противительных конструкциях

Употребление *вроде* при первой части противительной конструкции (*вроде X, (а/но...) P*) обладает некоторыми особенностями. Во-первых, частица перестает (или практически перестает) выражать приблизительность, ср.:

(27) [№ 7, муж] *Взрослый меняется / меняется и ребенок / вплоть до того / что я вижу как / вроде бы не родственники / а ведут себя как*

родственники [Телепередача о беспризорных детях // Из коллекции НКРЯ, 2005].

В речевое намерение говорящего очевидно не входит сигнализировать, что *не родственники* – это неточно, ведь речь идет о беспризорниках и помощниках-волонтерах. Во-вторых, в некоторых из таких контекстов противительность задается употреблением частицы, после нее обязательно ожидается вторая противительная часть:

(28) [Е. Хрусталева, жен] [Смеется] *Вот правда / положила руку на сердце / ну вроде ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну !* [Устюжна. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009].

В контексте (28) опущена вторая часть, но она ожидается: восклицательная интонация, императив *гляньте* с усилительной частицей *вот* не предполагают аппроксимации. И действительно, полный вид фразы таков:

- *Вот правда / положила руку на сердце / ну вроде ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну ! А хорошо !*

При этом, если мы уберем частицу *вроде*, вторая противительная часть перестанет быть ожидаемой:

- *Вот правда / положила руку на сердце / ну ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну !*

Таким образом, можно говорить об определенной степени устойчивости сочетаний *вроде X, (а/но/однако...)* *P* (далее будет использоваться краткая запись (*вроде X, P*)).

Структуры такого рода встретились в 43 контекстах в ОРД (из 226 – 19 %) и в 191 контексте УП НКРЯ (из 1200 – 16 %).

С точки зрения структуры, *X* и *P* в большинстве случаев обладают предикативными центрами и являются предложениями или даже цепочкой предложений:

(29) [ЖХ] *что-то голова так грязниться стала // знаешь / вроде в шапке ходишь // *П а все равно* (ОРД);

- (30) [М1] *вот мы с ним вроде обсуждали несколько вариантов даже к чему-то пришли мне казалось // *П но здесь опять написана вот эта тема так что / здесь я надеюсь может сегодня я опять сегодня с ним встретиться и еще раз поговорить ...* (ОРД).

Частица не обязательно стоит в абсолютном начале предложения Х, она присоединяется к тому элементу, который участвует в противопоставлении:

- (31) [И120] *итак внимание / пушка // представляете себе пушку ? [Ж2] да // [И120] у нее ствол // *П он вроде бы мальчик // *П ствол / да ? *П но у него есть дуло* (ОРД);
- (32) [И21] *не глупый вроде парень / но он просто как-то потерял себя // *П что он / кто он / сам уже не понимает* (ОРД).

В примере (31), в соответствии с принципами актуального членения в устной речи, наиболее важная часть (*не глупый*) перенесена в начало фразы и интонационно выделена, а частица стоит в постпозиции к ней.

Примечательно, что между первой частью Х и противопоставленным ей Р может быть значительное расстояние. Например, в контексте (33) говорящий долго обосновывает противопоставление, а Р появляется в конце, как вывод из сказанного:

- (33) [И104] *да / да / они вот пели / они пели / слушай(:) / вот / они очень чудесные ребята // они очень прикольные постановочки ставят // вроде бы / самое смешное что *Н блин / вроде бы банальщина / а тут короче знаешь / посмотрел там / тум тум тум тум / разные костюмы / разные эмоции / по-разному на сцене прыгают / блин / уже совершенно другой спектакль короче // немножко по-другому эмоции преподнесли короче / немножко по-другому пару сценок обыграли / приходишь так смотришь / блин / **прикольно*** (ОРД).

Маркирование Х-а частицей в таком случае еще и помогает удержать противопоставление в памяти слушателя, ведь на него уже как будто дана заявка (*вроде бы / самое смешное что *Н блин*).

Наконец, второй элемент конструкции Р может отсутствовать, но он легко восстанавливается из контекста:

- (34) [И21] *мне там чего свои порядки наводит / воспитывать его ? да на х*r они мне нужны / мне проще свалить вообще подальше от такой семейки // **вроде нормальные люди были** // *П ну / мама одна / видишь / отца нет // *П всю жизнь его баловала его* (ОРД).

Общий тон речи, выбор лексики указывают на отношение говорящего к предмету речи. Озвучивание Р (*вроде нормальные люди были, *а теперь ненормальные*) представляется излишним. Возможность опущения Р при сохранении семантики противительности за счет частицы *вроде* также говорит об устойчивости данного оборота.

Далее необходимо обратиться к семантике рассматриваемой противительной конструкции. Она описывается как выражающая несоответствие ожиданию («обманутое ожидание» – *Lakoff, R. 1971*) или как «отклонение от нормальной картины мира» (*Вольф 1986: 104*), противодействие «нормальному заключению» (*Урысон 2005*), «ненормальное следствие», нарушение «нормального хода событий» (*Санников 2008: 248*). В. З. Санников (*там же: 162-164*) пишет, что противительные конструкции выражают несоответствие следующим «общим принципам мироощущения человека»:

- 1) «принцип статичности (ненормально возникновение или исчезновение чего-л.)»;
- 2) «принцип последовательности (если отметилось отклонение, то нормально движение в том же направлении)»;
- 3) «принцип гармоничности (нормально, что признаки предмета относятся к одному полюсу)»;
- 4) «принцип соответствия» (нормально, когда высказывания соответствуют правде, а обещания, угрозы, приказы и т. д. выполняются);
- 5) «принцип активности (имея желание или цель, человек стремится их выполнять)».

В. З. Санников (*Санников 2008: 257*) отмечает, что решающим в конструкции всегда будет второй элемент Р (даже если это противоречит здравому смыслу, например: *Он заболел, но пошел в поликлинику*). При этом Р не соответствует норме не сам по себе, а только при наличии X-а, как, например, в (1): вести себя как родственники ненормально, только если

на самом деле вы не родственники; если вы родственники, это ожидаемое поведение.

Противительная конструкция с *вроде*, в отличие, например, от конструкций с *по идее* X, P (которая выражает несоответствие идеального положения вещей и реального – см.: Капустина 2016) не обладает отдельным значением. Семантику всех наших примеров можно описать через «ненормальное следствие» без оговорок. Например:

- (35) [№ 1, жен, 19] **Он [пуховик] / *вроде* / *тонкий такой* / *но теплый*.**
[№ 2, жен, 27] *Только пух есть из швов* [Разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2005].

Значение этой конструкции можно описать как «пуховик – тонкий (X), в нормальной картине мира тонкие вещи – не теплые, но, в то же время, этот тонкий пуховик теплый (P)» (несоответствие принципу гармоничности, по В. З. Санникову). Обе части – X и P – относятся к плану реального (в отличие от *по идее* X, P).

Ближайшая синонимическая замена для *вроде* в этой функции – *казалось бы* (*казалось бы* X, P). Для *казалось бы* модификация противительной конструкции, видимо, – одна из основных функций. Большая часть контекстов с этим маркером из НКРЯ относятся к публичной речи (277 vs 31 в непубличной речи), и в 95 контекстах из первой сотни явно или имплицитно (без вербализованного P) реализуется эта функция. Рассмотрим примеры:

- (36) [А. Зализняк, муж, 77, 1935] *К сожалению / опровергать их [работы лингвистов, сомневающих в подлинности «Слова»] было легко / потому что это были... к моему большому огорчению / потому что действительно / *казалось бы* / *что лингвисты должны более ответственно относиться к этим вещам / но бывают всякие* [А. Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)];*
- (37) [В. Плунгян, муж] *Ну / казалось бы / положительный языковой материал – его никто не ценит / его везде много / а вот если так нельзя сказать / то наши грамматические правила / они будут особенно полными и точными / потому что они будут объяснять вот*

эту невозможность. Вот такой ход мысли. Значит / известная логика в этом есть. Но логика / вообще говоря / опасная / даже / пожалуй / лукавая [В. Плунгян. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Лекция Полит.Ру (2009)].

В примере (36) слово *казалось бы* (кажимость, ирреальность) соседствует с противоположным по значению *действительно* (действительность, реальность), однако высказывание не кажется нам аномальным. Значит, семантика приблизительности (*hedging*) не проявляется. В этом примере X также не относится к плану реального, но «идеальность» выражается модальными средствами (*должны относиться*). В контексте (37) маркер *казалось бы* выполняет в первую очередь функцию ксенопоказателя, маркирует несогласие говорящего с излагаемым «ходом мысли». В то же время он предполагает противопоставление, но оно делается не к тому предложению, которое он маркирует (*логика есть, но логика опасная*). Можно предположить, что *казалось бы* выражает бóльшую отстраненность от содержания X-а, чем *вроде*.

Возникает вопрос, как же интерпретировать *вроде* в составе противительной конструкции. Можно предложить следующее объяснение: имеются две пропозиции – X и P. Обе пропозиции оцениваются говорящим как истинные (до определенной степени), однако P – как более важное, говорящий стремится сохранить и подчеркнуть его. Для этого он «ослабляет» X, снабжая его маркером приблизительности (или, в свете синонимической замены – «кажимости») – модальной частицей с соответствующим значением. То есть практически «притворяется», что X – это что-то не совсем истинное, гипотетичное, приблизительное, кажущееся. Частица служит дополнительным модальным средством (вместе с порядком X и P, где второй компонент всегда оценивается как более важный), усиливает и/или дополняет значение, заложенное в противительной конструкции, позволяет подчеркнуть иерархию X и P.

В этой трактовке акцент ставится на Р, а не на Х, который, в объяснении О. В. Семёновой, говорящий пытается объяснить для себя, ср.: «<...> говорящий убеждает себя, причём некатегорично, в происходящем, но это убеждение с оттенком сомнения, вторая часть заставляет думать об обратном, сигнализирует о противоположном» (Семёнова 2000: 12).

Структуры с модальной частицей еще сильнее сближают противительную конструкцию с уступительной: *несмотря на то, что Х, Р; хотя Х, Р (вроде бы не родственники, а ведут себя как родственники = несмотря на то, что они не родственники, они ведут себя как родственники)*. В. Ю. Апресян указывает на то, что уступительные конструкции (близкие к противительным⁸) могут претерпевать ряд модификаций, в том числе «наращение гипотетичности»: *Пусть Х, Р (Апресян 2006: 102-109)*. Представляется, что присоединение частицы *вроде* – также способ модификации, причем она усиливает уступительное значение. Н. П. Перфильева относит подобные конструкции с двухместными сцепами и взаимным подчинением к особому классу уступительно-противительных, в которых первый компонент выражает уступительное значение, а второй – противительное (Перфильева 1983). При такой интерпретации *вроде ... а/но...* будет являться двухместным союзом (*сцепом*).

В устной речи обнаруживается целый ряд подобных структур *частица + противительная конструкция*: *вроде Х, Р; как бы Х, Р; типа Х, Р; (аппроксиматор + Х, Р) казалось бы Х, Р; якобы Х, Р; (показывают отстраненность говорящего от содержания Х); по идее Х, Р; в принципе Х, Р (обозначают несоответствие плана идеального плану реального)*. Представляется, что данные структуры обладают определенной устойчивостью и заслуживают отдельного описания.

---

⁸Ср. толкование: «Хотя Р, Q = ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’» (Апресян 2006: 105). В. Ю. Апресян пишет, что союзы *хотя* и *но* «ненормального следствия» взаимозаменяемы практически во всех контекстах, однако *хотя* отличается большей категоричностью. Нельзя утверждать, что эти слова тождественны, однако думается, что вполне возможно провести такую параллель.

3.4. Устойчивые сочетания с ВРОДЕ

Кроме свободного употребления, *вроде* как предлог и как частица входит в ряд устойчивых сочетаний со своими структурными и функциональными особенностями. В инвентарь этих сочетаний входят следующие:

- 1) конструкции с предлогом *вроде*: первый элемент + *вроде* + второй элемент (обычно в форме Род. п.);
- 2) *вроде того что*;
- 3) *что-то вроде (э)того*;
- 4) относительно свободные сочетания частиц *вроде бы*, *вроде как*, *вроде бы как*.

Рассмотрим их по отдельности.

3.4.1. Конструкции с предлогом *вроде*

Термин «конструкция» понимается в данной работе как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (*Лингвистика конструкций* 2010: 19).

Для простоты дальнейшего описания введем несколько условных обозначений:

А – независимый элемент конструкции, не являющийся неопределенным местоимением;

Х – независимый член конструкции с неопределённым значением (*что-то, что-нибудь, нечто* и пр.), его можно условно назвать «семантическим нулем»;

В – ненулевой зависимый член конструкции.

Независимый член конструкции также будет обозначаться словом «вершина».

В ходе исследования было выявлено несколько типов конструкции с предлогом *вроде*. Вершина может быть представлена либо неким

A (*A* вроде *B*: у парня вроде меня) (I), либо «нулем» (*X* вроде *B*: что-то вроде куклы) (II).

Третья возможная конструкция – *A* (*это*) (*Vf*) (*X*) вроде *B*: на английском языке лимон – это (*есть) что-то вроде символа всего неприятного, гадкого (III). Эта конструкция есть, в сущности, определение, в котором *X* вроде *B* является «телом» этого определения, а *A* – определяемым понятием.

Кроме конкретного предмета, местоимение *это* может указывать на всё только что сказанное или всю ситуацию в целом:

(39) (говорит по телефону) (Трошкин, Е. Леонов, муж, 46, 1926) *Спасибо. Да / Елена Николавна / о том / что вы меня видели в Москве / пока никому ни слова. Почему в таком виде был? Ну / это что-то вроде конкурса на звание лучшего Бармалея* (А. Серый и др. Джентльмены удачи, к/ф (1972))⁹.

Обозначим такую разновидность конструкции *Это* (*Vf*) (*X*) вроде *B*.

Особенность конструкции *A* (*это*)(*Vf*) (*X*) вроде *B* – наличие не одной, а двух вершин: смысловой *A* и формальной *X*, при этом формальный элемент может быть опущен.

Наконец, *вроде B* может выступать как распространитель предиката со значением образа действия:

(40) (Голос за кадром, муж) *Слово «Сибирь» давно уже звучит вроде набатного колокола / возвещая что-то неопределённо могучее и предстоящее.* (Иркутск. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2008).

Обозначим её *Praed* вроде *B*.

И, наконец, есть примеры, в которых из-за отсутствия формальных связей с окружающим контекстом сложно однозначно интерпретировать конструкцию:

(41) (Михаил Иванович, С. Чекан, муж, 46, 1922) *Сами клюнут. Они будут следить за вами / а мы за ними. И как только попытаются снять / мы их возьмём* (Горбунков, Ю. Никулин, муж, 47, 1921) *Ага / вроде живца.*

---

⁹Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация авторские.

Понимаю / сам рыбак. Они / конечно / предложат большой выкуп / а я ещё поторгуюсь (Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, к/ф (1968)).

Можно предположить, что такое употребление является характерной чертой разговорной речи, вообще склонной к эллипсису и нарушению формальных связей.

Количественное соотношение перечисленных конструкций представлено в таблице 2 и на рисунке 3.

Таблица 2

Количественное соотношение разных типов конструкции с предлогом *вроде*

Тип конструкции	Абсолютное количество	Относительное количество (в %)	
<i>A</i> <i>вроде</i> <i>B</i>	78	31,0	
<i>X</i> <i>вроде</i> <i>B</i>	55	22,0	
<i>A</i> (<i>это</i>) (<i>Vf</i>) (<i>X</i>) <i>вроде</i> <i>B</i>	67	34,0	27,0
<i>Это</i> (<i>Vf</i>)(<i>X</i>) <i>вроде</i> <i>B</i>	18		7,0
<i>Praed</i> <i>вроде</i> <i>B</i>	14	6,0	
Неоднозначные случаи	18	7,0	
Всего	255		

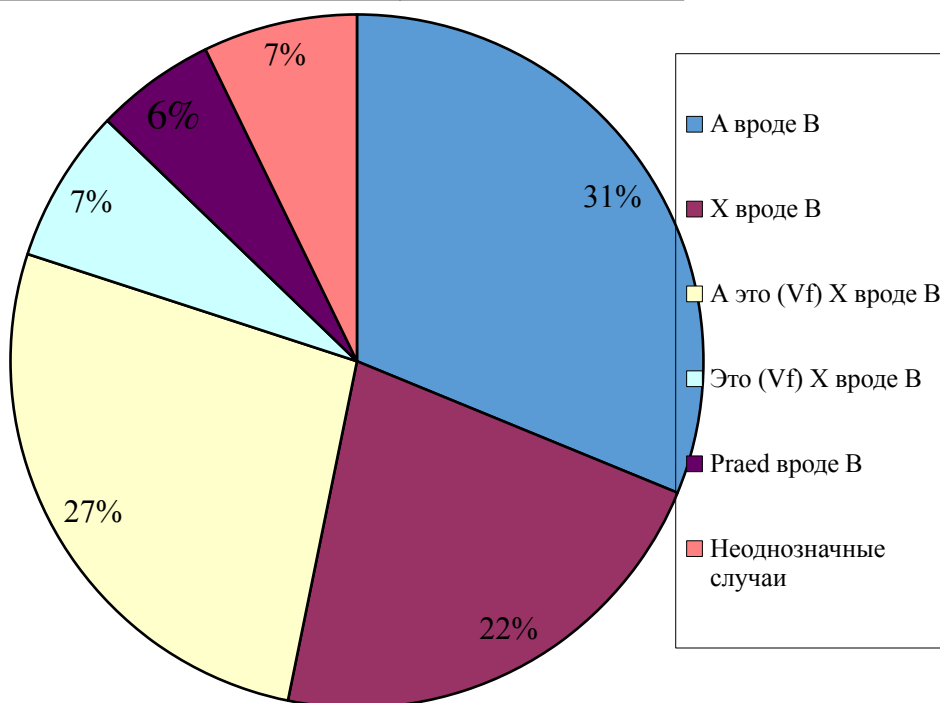

Рис. 3. Количественное соотношение разных типов конструкции с предлогом *вроде*

А вроде В

Выше уже было сказано о двух значениях данного предлога ('схожесть' и 'пример'). На примере структуры *А вроде В* рассмотрим это различие подробнее. Во-первых, оно проведено по линии симметрии либо асимметрии сравнения, поскольку сопоставление одной единицы с другой или, например, единицы с неким множеством единиц может иметь существенные различия.

Под *симметричными* понимаются такие сопоставления, в которых ни один из элементов не входит во множество, задаваемое вторым из них. Первоначальная гипотеза была такова: предлог в значении 'похожий на' соединяет «равновесные» понятия (как, например, *птичка* и *снегирь*), а предлог в значении примера – «разновесные», причем понятие В обязательно «младшее» и входит во множество, задаваемое элементом А (как *птица* и *снегирь*).

Анализ материала показал, что это не совсем так. Предлог со значением схожести может оформлять как симметричные, так и несимметричные соотношения, например:

- (42) (Вера, Н. Меньшикова, жен, 33, 1928) *Встретил он одну / ну вот вроде нашей Анфиски. Ну / и я уехала* (Ю. Чулюкин и др. Девчата, к/ф (1961));
- (43) (Ольга Александровна Державина, жен) *Автомобиль / это там такой местный поезд ходил / вроде нашей электрички* (О. А. Державина, В. Д. Дувакин. Беседа с О. А. Державиной // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1977);
- (44) (Надя, жен) *«Ка О» / это камера очистки. Отбросы и мусор / которые скапливаются на корабле / попадая в камеру / автоматически запаковываются в герметические пакеты вроде наших молочных пакетов... треугольничком* (Р. Виктор и др. Москва-Кассиопея / к/ф (1973));
- (45) (Респондент1, муж, 79) *Отец любил читать / но конечно его интересовала литература такая / вроде Толстого / Пушкина / такие вещи / классика / как говорится* (Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1997).

В примерах (42), (43) и (44) представлены симметричные сопоставления, в примере (45) – несимметричное. Если функция первых – это сравнение одного объекта с другим по какому-либо признаку, то функция несимметричного сопоставления – лимитирующая (из круга объектов, означаемых А, выбираются те, которые еще по какому-то признаку похожи на В). Множество объектов может задаваться различными способами. Например, в уже приведенном в главе 3.1 примере (0) это более общее понятие, чем В; его представляет неопределенный предмет (на это указывает слово *какой-нибудь*). Поиск общего понятия потребовал от говорящего значительных усилий, о чем говорит серия хезитативов (*или ещё какой-нибудь такой / какой-нибудь / такой*).

- *можно по-русски сказать «тонкий стебель» / или ещё какой-нибудь такой / какой-нибудь / такой цилиндрический объект вроде тонкого кабеля или тонкой трубочки / но это нельзя отнести например к столбу («Диалог 2012» // Из коллекции НКРЯ, 2013).*

Этот пример очень хорошо иллюстрирует лимитирующую функцию сравнения: *столб*, как *тонкий кабель* и *тонкая трубочка*, относится к классу *цилиндрических объектов*, однако подчеркивается, что он лишен релевантного признака (способности сочетаться с прилагательным *тонкий*). В примере (45) множество задается словом *литература*, которое выступает в качестве собирательного.

Для второго значения ‘например’ первоначальное наблюдение оказалось в целом верным. Первый элемент задает множество, второй является характерным примером этого множества и служит для пояснения. Элемент В не задает никакого подмножества объектов по другому признаку, а представляет множество целиком (на этой разнице было построено наше доказательство существования двух семантических типов предлога *вроде*). Например:

- (46) (М. Скулачев, муж) *В принципе это... липофильные это противоречащие друг другу сущности/ тем не менее / в определённых соединениях / вроде вот этого тетрафенилфосфония. Эти / эти две*

сущности удалось совместить (В. Скулачев. Homo Sapiens Liberatus: человек, освобожденный от тирании генома. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010));

- (47) (Б. Стругацкий, муж) *Хотя / наверное / вот сейчас в нашей ситуации / в нынешней / могут найтись какие-то не очень требовательные редакции / где / слегка пройдясь редакторским карандашом по вопиющим местам вроде этого самого «подверженного заразе дедуктивного метода» / могли бы напечатать и в таком виде* (Заседание семинара Б. Стругацкого // Из коллекции НКРЯ, 1989).

Между двумя типами существует ряд переходных случаев. В некоторых контекстах предлог выражает оба смысла сразу:

- (48) (Якобсон Роман Осипович, муж, 70, 1896) *Когда вы говорите на каком-нибудь языке / вроде языка клакеутли / где нет разницы между единственным и множественным числом /* (Р. О. Якобсон. Некоторые вопросы лингвистической семантики // Фонотека ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН / опубл.: Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1. М.: ЯСК, 2009, 1966);

- (49) (Андрей Николаевич Колмогоров, муж, 1903) *Были вот периоды жизни / вроде Потылихи / когда я профессионально занимался этим / и я действительно всегда с удовольствием об этих временах вспоминаю.* (А. Н. Колмогоров. Беседа А. Н. Колмогорова с А. Н. Марутяном // Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове. М.: Фазис, 1999, 1983).

Для этих контекстов нерелевантно разделение на типы ‘например’ и ‘похожий на’. Возможно, это определяется чрезвычайной широтой понятия, выраженного элементом А, так что один объект одновременно и лимитирует множество (среди очень широкого), и представляет его полностью как пример.

Обращает на себя внимание также метонимическое употребление в примере (49) (период времени обозначается с помощью указания места, где это время было проведено – *Потылиха*). Иногда встречаются случаи и более яркого метонимического переноса, ср.:

- (50) (Юрий Иосифович Визбор, муж, 41) *Он в свое время... он австралиец бы... занимался он в Австралии таким типичными ковбойскими занятиями и одновременно принимал участие / руководил небольшой такой группой вроде самостоятельности* (Ю. И. Визбор. Выступление в Пущино // Из коллекции НКРЯ, 1975).

В примере (50) название вида деятельности (*самодеятельность*) перенесено на группу людей, которая эту деятельность осуществляет. Можно предположить, что эта интересная метонимия получилась в результате самокоррекции. В русском языке сочетание *участвовать (принимать участие) в самодеятельности* устойчиво, и, видимо, его и хотел употребить говорящий, но быстро перестроил фразу (это то, что В. И. Подлесская называет *онлайн-коррекцией*) (Подлесская 2014), чтобы точнее выразить смысл (подчеркнуть, что персонаж рассказа играл там руководящую роль). Однако, перестроив ее, говорящий столкнулся с новым затруднением, пытаясь описать, что, собственно, представляла из себя эта *группа*, которой руководил его персонаж. Другого слова, кроме *самодеятельность*, в русском языке не нашлось (можно было бы предложить прилагательное – *самодеятельный* – но оно употребляется гораздо реже существительного, почти в два раза: в (Ляшевская, Шаров 2009) оно имеет индекс 4,6 употреблений на миллион слов, а существительное – 8,6).

A (это) (Vf) (X) вроде B

У конструкции *A (это) (Vf) (X) вроде B* (в дальнейшем – без скобок) есть несколько характерных особенностей. Первая, связанная с формой – это наличие нерегулярных элементов, при опущении которых смысл никак не меняется. Пропуск элементов, как показано выше, случается и в других конструкциях, но там это явление из ряда вон выходящее и происходит по особым причинам. Самый «сокращенный» вариант конструкции по виду не отличается от *A вроде B*:

(51) (Барышев, С. Плотников, муж, 59, 1909) (капитану) *Спасибо. Пусть обследуют. А то наша медицина простая. Тело вроде тары. Раз держит / ну и порядок* (В. Басов, В. Кожевников. Щит и меч, к/ф (1968)).

От конструкции *A вроде B* такие случаи отличаются по значению: если *A вроде B* только вводит атрибут для *A* (то есть факультативную информацию), то *A это X вроде B* и есть главное содержание сообщения, а синтаксически

это равно предложению. В таблице 3 приводятся примеры всех возможных реализаций конструкции *А это Vf X вроде В*.

Таблица 3

Примеры возможных модификаций конструкции *А это X вроде В*

<i>А вроде В</i>	(Шофер, М. Кокшенов, муж, 39, 1936) <i>Ты шо ж / выходит / ты вроде летуна / да?</i> (И. Хейфиц, П. Нилин. Единственная, к/ф (1975))
<i>А это вроде В</i>	(Хозяйка гостиницы, Л. Гурченко, жен, 37, 1935) <i>Что такое старый хрыч? А?</i> (Плющихин, Н. Трофимов, муж, 52, 1920) <i>э... хрыч?</i> (Хозяйка гостиницы, Л. Гурченко, жен, 37, 1935) <i>Ага.</i> (Плющихин, Н. Трофимов, муж, 52, 1920) <i>Ну... это... вроде вашего барона.</i> (И. Усов и др. Табачный капитан, к/ф (1972))
<i>А X вроде В</i>	(Н. Д. Эфрос, жен, 1889) <i>А она пишет / значит / так: «Однажды Мандельштама зазвал к себе Абрам Эфрос (я была с ним) и предложил союз / нечто вроде неоклассиков.</i> (Н. Д. Эфрос. Первая беседа В. Д. Дувакина с Н. Д. Эфрос // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1980)
<i>А это X вроде В</i>	(В. Руднев, муж, 45, 1958) <i>И у меня такая гипотеза / что «простой объект» — это нечто вроде элементарной частицы / вот которой тоже как бы не видно/ не слышно/ у которой тоже как бы нет ничего.</i> (Витгенштейн и современная философия. Программа «Гордон» (НТВ) (2003))

Второе отличие *А это X вроде В* – это наличие предикативного центра. Глагол *быть*, опускаемый в плане настоящего времени, выявляется в прошедшем. Кроме того, он может заменяться другими глаголами бытия или фазы (*стать, представляться, получиться*) или (редко) модальными конструкциями (*должен быть, должно звучать как*):

- (53) (Виноградов, муж) ***Чертежи там были чем-то вроде иероглифов / математик / Геометр смотрел на них и учился понимать*** (А. Виноградов, А. Гордон. Беседа А. Гордона с А. Виноградовым о математической физике, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003-2004);
- (54) (Женя, И. Купченко, жен, 29, 1948) ***Я уже давно стала для тебя чем-то вроде... предмета домашнего обихода. Как стеной шкафа! Как... венки об твои домашние туфли*** (Ю. Райзман, Е. Габрилович. Странная женщина, к/ф (1977));
- (55) (Чуковский К. И., муж, 83, 1882) ***Между тем читателям – даже лучшим из них – он представляется нынче чем-то вроде неудачного***

Аверченко, – развлекательный, поверхностный, мелочной (К. И. Чуковский. О Михаиле Зощенко // ImWerden Выступление в ЦДЛ в 1965 г., 1965);

- (56) (Лукьяненко, муж) *Вот / и я сейчас пишу / например / книгу / это фэнтэзи. Причем фэнтэзи классическая. Там существуют сказочные королевства / там интриги / магия / волшебство. При этом у меня такое ощущение / что в итоге это получится что-то вроде романа воспитания* (Интервью с С. Лукьяненко на радиостанции «Маяк» // Из коллекции НКРЯ, 2006);
- (57) (№ 9, муж, 52) *Чтоб идеальные функции выполнял президент в нашей стране / он должен быть что-то вроде монарха / в той ситуации / по Конституции он и есть что-то вроде монарха* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2000);
- (58) (М. Чегодаев, муж) *То есть / строго говоря / вот это название / если уж его переводить по возможности адекватно на европейские языки / должно было звучать как что-то вроде текста воскресенья / то есть по сути своей это... название «Книга мёртвых» прямо противоположно тому / что в него вкладывали древние египтяне* (Древнеегипетская книга мертвых. Программа «Гордон» (НТВ) (2001));

Однако случаи замены глагола встречаются в целом нечасто (два случая с модальным *должен быть* в одной и той же ситуации – при ответе на вопрос *Каким должен быть президент?*; два случая с *представлять собой*). Конструкция в форме прошедшего времени встретилась 9 раз, в форме будущего времени – ни разу, но такая форма потенциально возможна.

В некоторых контекстах слово *это* функционально заменяется местоимением *он/она/оно/они* (6 случаев), например:

- (59) (Николай, В. Доронин, муж, 44, 1909) *Хорош! Ну / минуточку / минуточку / разрешите пройти. Минуточку (поет) Эх / Любашенька... Душа моя щас... она вроде вот этого баяна. Который я... который я... Федя!* (Т. Лукашевич и др. Свадьба с приданым, к/ф (1953)).

Эта замена стилистически окрашена, но может встречаться и не в сниженных контекстах:

- (60) (Д. Чернавский, муж, 77, 1926) *Белок – в данном случае / белок репликаза – тот самый / который способствует редупликации – он*

представляет собою ну нечто вроде подковы или чехла / который обволакивает. (Возникновение биологической информации. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)).

В примере (60) замена оправдана, во-первых, глаголом (местоимение *о* и лучше подходит на роль деятеля, чем *это*), а во-вторых – долгим перерывом между «вершиной» конструкции и её окончанием, так что эффект снижения пропадает.

В общих чертах рассматриваемая единица повторяет строение определения, но при этом «тело» определения занято конструкцией нечеткой номинации. Поскольку *A* – чаще всего тема сообщения, говорящий рассчитывает, что оно не забыто, поэтому «определение» может быть отнесено во времени (как в (60)). Рассматриваемую конструкцию можно условно назвать «определением по подобию» (условно – потому что оно не соблюдает канонов жанра определения, но пользуется его формой).

Это (Vf) (X) вроде B

Это (Vf) (X) вроде B – подтип конструкции *A (это) (Vf) (X) вроде B*, в котором в качестве «вершины» выступает вся ситуация в целом, все, что описано выше, ср.:

- (61) (Ефрейтор Святкин, Л. Быков, муж, 48, 1928) *Тут в каждой хате по палате / раненые / раненые / раненые / санитарки / ну что-то вроде эвакпункта* (Л. Быков и др. Аты-баты, шли солдаты, к/ф (1976));
- (62) (А. Базилевский, муж, 66, 1937) *Это камня. Но она / конечно / это газ / но очень плотный газ. И очень жарко / почти что пятьсот градусов. В общем / если в ранних романах это было что-то вроде тёплого рая / в фантастических романах / на самом деле это ад* (Венера. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)).

Стоит обратить внимание, что перед обоими речевыми отрезками, содержащими исследуемую конструкцию, стоят стартовые маркеры (*ну, в общем*), она четко отделяется в самостоятельную клаузу. В примере (62) любопытно то, что фактически описания, которое можно было бы обозначить как *это*, так и не прозвучало. Есть описание противоположной ситуации (какой климат на самом деле на Венере), а сравниваемую с *тёплым раем*

картину слушателю приходится додумать (фактически все для этого уже есть в самом сочетании *тёплый рай*).

X** вроде **B

О конструкции нечёткой номинации выше было сказано уже достаточно много. Осталось сказать лишь о некоторых её особенностях. Элемент **X** в составе анализируемых конструкций бывает представлен словами *что-то* (77 %), *нечто* (11 %), *что-нибудь* (7 %), в 5 % случаев **X** не выражен никак (см. рис. 4). В единичных случаях на этой позиции может стоять другое местоимение – *какой-нибудь* (*какую-нибудь вроде тебя*) – или местоименное словосочетание (*что-нибудь толстое, вроде «Саги о Форсайтах»*) (в диаграмму не включены).

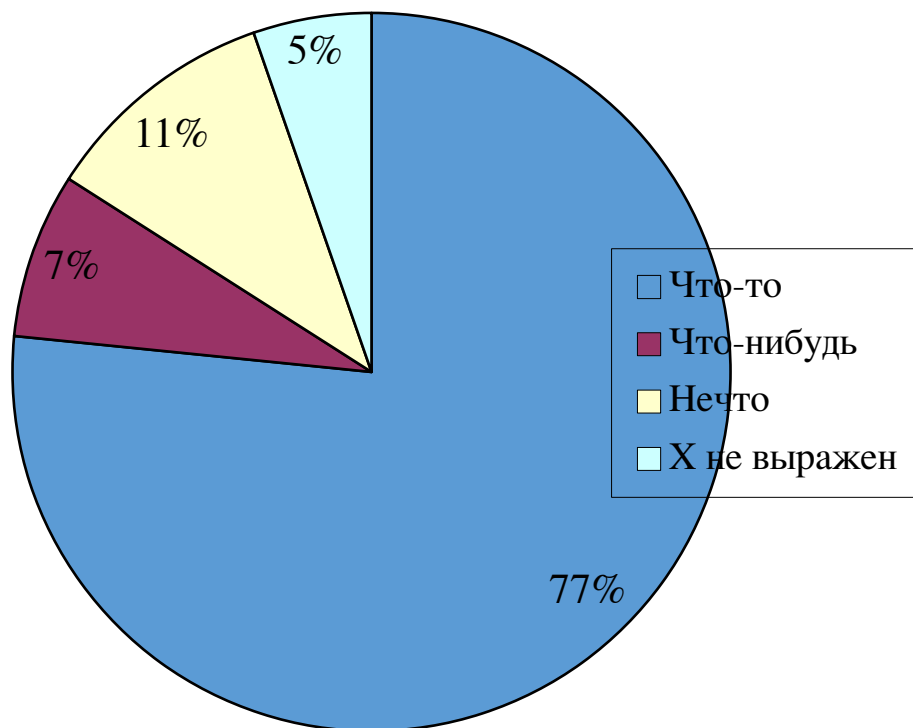

Рис. 4. Сравнительная частотность неопределенных местоимений в позиции **X**

Синтаксическая роль конструкции НН обычно – это подлежащее или дополнение в В. п. (оба – по 17 из 35; по 48,6 %).

- (63) (В. Г. Жданов, муж, 55) *У меня за эти девять лет огромный опыт помощи взрослым косоглазым людям. И вы знаете / когда взрослый человек по методу Бейтса убирает косоглазие / вот со всеми*

происходило ***нечто вроде истерики*** (Лекция о методике восстановления зрения // Из коллекции НКРЯ, 2004);

- (64) (Т. Н. Волкова, жен, 1905) *Тогда молодые люди / не знаю / кто они были / но по виду я бы сказала / студенты / они взялись под руки и сделали / из четверых человек / ***вроде небольшого заграждения*** / и пошли на него молча* (Т. Н. Волкова. Беседа М. В. Радзишевской с Т. Н. Волковой // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1982).

В некоторых случаях употребление конструкции НН явно избыточно,

ср.:

- (65) (№ 2, муж) *Науку можно сравнить с ***чем-то вроде дерева с гигантской кроной / стволом и огромными корнями*** (Abl.). Так вот / если говорить о корнях / то это именно фундаментальная наука / она питает все остальное* (Телепередача «Наука в России и в Троицке: значение, состояние, перспективы» // Из коллекции НКРЯ, 2004).

Не вполне ясно, зачем в этом контексте вообще понадобилось употребление конструкции НН. Сравнение уже задано глаголом; зачем создавать некий воображаемый объект, похожий на дерево, и сравнивать ним, а не напрямую с деревом? Возможно, это просто неуместное использование стратегии нечёткости (hedging), особенно если учесть научную тематику текста. Можно также предположить, что в примере (65) произошло взаимное наложение двух устойчивых единиц: *можно сравнить с* и *А это X вроде B*, однако в таком случае странно, что слово *наука* с самого начала поставлено в форму В. п.

***Praed* вроде B**

В данной конструкции часть *вроде B* служит атрибутом при предикате и часто функционально равна сравнительному обороту со словом *как*. Предложная конструкция может выражать различные значения:

1) ‘образ действия’

- (66) (Голос за кадром, муж) *Слово «Сибирь» давно уже ***звучит вроде набатного колокола*** / возвещая что-то неопределённо могучее и предстоящее* (Иркутск. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2008);

(67) [Устименко, А. Баталов, муж, 30, 1928] [Об «Исповеди Маркса»] *А он [Карл Маркс] отвечает на вопросы /вроде как... на исповеди.* [И. Хейфиц, Ю. Герман. Дорогой мой человек, к/ф (1958)].

2) 'в качестве'

(68) (Режиссер, А. Гай, муж, 51, 1914) *Чей это сигнал? (Моряк, муж) Пограничный. Видно / этот паренек нашел что-то здесь. Вот нас вроде буйка и используют* (Е. Шерстобитов. Акваланги на дне, к/ф (1965)) (= как, в качестве).

3) 'в виде'

(69) (Матросы, муж) *Тише! Давай. Валя! Попробуй ему завязать вроде намордника* (В. Фетин и др. Полосатый рейс, к/ф (1961));

(70) (№ 1, жен, 30) *Это в Колонном зале было. И так выгорожено было вроде ширмы* понимаешь / и вот она с телефоном. *Вся опера в этом* (Разговор двух женщин, Москва // Русская разговорная речь: Тексты, 1978).

В данных примерах конструкция выражает значение 'в виде'. Это характеристика именно действия, а не некоего опущенного «нулевого объекта» (**повяжи что-то вроде намордника, *выгорожено что-то вроде ширмы*). Существительные в позиции В обозначают не инструмент (**возьми что-то вроде намордника и повяжи*), а результат действия (**повяжи так, чтобы получился намордник*).

4) признак для сопоставления выражен в самом предикате

Некоторые контексты представляют особые случаи для конструкции *Praed вроде В* (в материале исследования встретились только *ты*-контексты (2 примера), но можно предположить, что это справедливо не только для них), ср.:

(71) (Волшебник, О. Янковский, муж, 34, 1944) *Они теперь всё делают сами. Приходят без спроса / вроде тебя. И хозяйничают тут как дома. Вот!* (М. Захаров, Е. Шварц. Обыкновенное чудо, к/ф (1978));

(72) (Солдат, М. Кузнецов, муж, 41, 1918) *Кусается?* (Водокрут XIII, А. Кубацкий, муж, 51, 1908) *Да нет / свистит / как мальчишка* (Солдат, М. Кузнецов, муж, 41, 1918) *Свистит?* (Иванушке) *Вроде тебя* (А. Роу, Е. Шварц. Марья-искусница, к/ф (1959)).

Особенность этих случаев состоит в том, что признак для сравнения ограничивается самим предикатом: (они) *приходят без спроса* не каким-то особенным способом, характерным для *тебя*, а просто вы оба совершаете одно и то же действие – *приходите без спроса*. Можно предположить, что в этом случае объектом характеристики оказывается не сопоставляемое, а то, с чем сопоставляют.

Если предикат – это составное именное сказуемое, где именная часть представлена прилагательным (4 случая из 13; 30,8 %), то разброс в семантике предлога значительно сужается. Почти все встретившиеся контексты соответствуют значению ‘похожий на’, ср.:

- (73) (Петя, Е. Цыганов, муж, 24, 1979) *а! Сычѐв ничего...* (Оля, И. Пегова, жен, 25, 1978) *Да* (Петя, Е. Цыганов, муж, 24, 1979) *...нервный такой / вроде Алексея* (А. Учитель, Авдотья Смирнова. Прогоулка, к/ф (2003));
- (74) (Онзей, М. Погоржельский, муж, 37, 1922) (поет) *Тучи дальние и ближние / Тучи верхние и нижние / Как лесной медведь лохматые / Вроде рыб / продолговатые...* (В. Полковников, М. Вольпин. Скоро будет дождь, м/ф (1959)).

3.4.2. *Вроде того что*

Единица *вроде того что* представляет собой союз, используемый для передачи чужих чувств и мыслей, то есть в функции ксенопоказателя. В таком качестве он зафиксирован в словаре (Ефремова 2000) и «Русской грамматике» (Русская грамматика 1980а: 716), ср.:

- (75) И130 *а ты знаешь / мы только что / ну не только что / пару дней назад с Зиночкой% разговаривала // она(:) говорит что-то такое / что вот я стала падать // (э-э) и () ты вот малой вроде того что осторожнее // а я говорю / ну знаешь / у меня вот слава богу косточки более менее крепкие / то есть я не ломаюсь* (ОРД).

В контексте (76) союз *вроде того что* используется перед перечислением, синонимично *а именно, как-то* (в делах (каких?) *заказать платье или обувь, помочь поехать куда-то*). Это второе словарное значение частицы, которое, как уже говорилось, в современной устной речи уже не встречается:

- (76) [Виктор Ефимович Ардов, муж, 1900] *Я должен сказать / что она всегда была ближе к моей жене / Нине Антоновне Ольшевской / нежели ко мне. Моя жена по возрасту годилась ей в дочери и заботилась об Анне Андреевне [Ахматовой] / потому что Анна Андреевна была / как оно и положено поэтам / не от мира сего. И Нина ей помогала во многих бытовых делах **вроде того что / заказать платье или обувь / или помочь ей куда-то поехать и прочее** [Беседа В. Д. Дувакина с В. Е. Ардовым // Собрание фоновых документов имени В. Д. Дувакина, 1974].*

3.4.3. *Что-то вроде (э)того*

Устойчивое сочетание *что-то вроде того/этого* используется в качестве метатекстового маркера-аппроксиматора для указания на приблизительность только что сказанного, ср.:

- (77) (А, жен, 46) *Кречмера я ведь знаю... Где его читать-то? (В, муж, 73) **Речь и конституция... Что-то вроде этого.** Книжка переведена на русский язык (Рассказ о конференции // Из материалов Саратовского университета, 1960-1980);*
- (78) (В. Немцев, муж, 53, 1950) *Как я должен поступить / чтобы мне то-то там сделали. Это тоже ситуация / близкая к булгаковской или к героям Достоевского / вот **что-то вроде этого.** Поэтому это всё печально (М. Булгаков. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)).*

Обычно *что-то вроде этого* стоит в постпозиции к маркируемому фрагменту речи (а значит, и выполняет дискурсивную функцию – маркирует конец фрагмента). Во всех случаях она выполняет сходные функции (хезитативную и аппроксимативную, то есть служит для выражения неуверенности говорящего в сказанном и заявляет о возможной неточности высказывания).

3.4.4. *Вроде бы, вроде как, вроде бы как*

Такие сочетания, как *вроде бы, вроде как* и *вроде бы как*, очень трудно поддаются описанию. Смысловые различия между ними очень тонки и зависимы от ситуации; практически во всех контекстах они взаимозаменяемы, и остается только гадать, почему говорящий выбрал ту, а не иную единицу. В их отношении можно говорить только об определенных тенденциях функционирования, ср.: «Модальные частицы, выражающие

непосредственные реакции, отношение к сказанному, оценку, обладают способностью сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложении *легко возникают и легко распадаются, видоизменяются* (курсив мой. – Д. С.). Такие комплексы организуются вокруг одной частицы, усиливая или дополняя ее значение *очень тонкими смысловыми оттенками»* (*Русская грамматика* 1980: 729).

Представляется необходимым провести различие между *вроде бы*, *вроде как* и *вроде бы как*, которые являются составными частицами, и случайными контаминациями разных частиц (см. табл. 4).

Таблица 4

Сочетания ВРОДЕ с другими частицами

Устойчивые сочетания с <i>вроде</i>	Случайные соединения частиц
<i>вроде бы</i> <i>вроде как</i> <i>вроде бы как</i>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>вроде как бы</i>: Отец говорит / <i>вроде как бы</i> согласился разменять квартиру (НКРЯ); • <i>вроде бы так</i>: <i>вроде бы так</i> я даже с ними разговаривала (ОРД); • <i>вроде ж(е)</i>: а / <i>вроде ж</i> / убирают подметают (НКРЯ); • <i>так вроде</i>: она <i>так вроде</i> ходит кушает (не больна) (НКРЯ); • <i>вроде как-то</i>: (занялся видео и) ну <i>вроде как то</i> о... <i>отдохнул немножко от фото значит</i> (ОРД)

Репертуар таких случайных соединений неограничен, и даже если некоторые из них повторяются, вряд ли возможно их считать фразеологизированными. Устойчивые комплексы, в отличие от таких свободных сочетаний, неделимы, ср.:

- (79) *вот я когда познакомился с этими самыми / с(:) (э) трег () 4 / трег-7 / этими самыми фо... форматами // *В // где там ... вот вроде как бы говорят / что вот вз(?) // и из изображения выделяется сцена там / объекты (ОРД) (= вот как бы говорят);*
- (80) И95 как раз период когда ты такой (вст) (э) берешь себе образ (такого унылого говна знаешь такой вот вечно жизнь не удалась всё

тле(:)н / вот такой вот // вот у него вроде бы как такой период ...
(ОРД) (**вот у него бы как такой период*).

Комплексы встречаются в речи существенно реже, чем единичное *вроде*. Особенно это проявляется в непубличной речи: *вроде ipm* 204,1, *вроде бы* в четыре раза реже (*ipm* 49,7), *вроде как* – в шесть раз (*ipm* 29,8). А вот в публичной речи *вроде бы* (*ipm* 28,9) оказалось даже несколько частотнее одиночного *вроде* (*ipm* 22,8). Сочетание *вроде бы как* встречается крайне редко во всех типах речи (всего 3 контекста в ОРД и 3 контекста в НКРЯ). По встречаемости данных составных частиц речь кино соответствует скорее публичной речи, чем бытовой (см. табл. 5).

Таблица 5

*Частотность ВРОДЕ, ВРОДЕ БЫ, ВРОДЕ КАК, ВРОДЕ БЫ КАК
в разных типах речи*

		<i>вроде</i> (част.)	<i>ipm</i> <i>вроде бы</i>	<i>ipm</i> <i>вроде как</i>	<i>ipm</i> <i>вроде бы как</i>	<i>ipm</i>			
Непубличная речь	НКРЯ	267	204,1	65	49,7	39	29,8	-	-
	ОРД	149		19		31		3	
	Всего	416		84		70		-	
Публичная речь (НКРЯ)		146	22,8	185	28,9	54	8,4	3	0,5
Речь кино (НКРЯ)		187	52,8	29	8,2	29	8,2	-	-
Всего		749		298		153		6	

Общее значение и функции *вроде бы* (особенно), *вроде как* и *вроде бы как* совпадают с единичным *вроде*. Была предпринята попытка выяснить с помощью эксперимента, различаются ли они по степени воспринимаемой неуверенности. Гипотеза была такова: чем длиннее сочетание слов и чем меньше его частотность, тем сильнее оно как показатель приблизительности. Второе предположение состояло в том, что между силой модального значения и эвиденциальностью (т.е. указанием на источник информации) может прослеживаться корреляция. Несмотря на то, что модальность и эвиденциальность – различные категории, между ними существует связь

(см. об этом Плуноян 2011: 370-377). В эксперименте были предложены следующие варианты: *говорящий видел то, что, описывает, сам – был там, но не видел – ему рассказал это очевидец – ему рассказал это тот, кто был там, но сам этого не видел – ему рассказал тот, кто сам получил эту информацию из чужих рук.*

Первый (пилотный) эксперимент. Для этого эксперимента были составлены экспериментальные контексты типа Семён: *Я слышал, они там на перемене дрались? Оля: Олег вроде бы ударил Васю* (см. приложение 2).

Всего с этими контекстами было проведено три опроса, в каждом из которых участвовали разные группы респондентов. Опросы были идентичны, за исключением частиц, которые менялись в контекстах местами, так что в первом опросе в контексте 1 использовалось *вроде*, во втором – *вроде бы*, в третьем – *вроде как* и так далее по следующей схеме:

	Контекст 1	Контекст 2	Контекст 3	Контекст 4
Опрос 1	<i>вроде</i>	<i>вроде бы как</i>	<i>вроде как</i>	<i>вроде бы</i>
Опрос 2	<i>вроде бы</i>	<i>вроде</i>	<i>вроде бы как</i>	<i>вроде как</i>
Опрос 3	<i>вроде как</i>	<i>вроде бы</i>	<i>вроде</i>	<i>вроде бы как</i>

Респондентам предлагалось представить себя участниками разговора и ответить на три обязательных вопроса:

- «Имело ли место то, о чём говорится, на самом деле?» (воспринимаемая достоверность),
- «Уверен ли говорящий в том, о чём сообщает?» (модальный план),
- «Откуда говорящий получил эту информацию?» (виды эвиденциальности).

Кроме того, респонденты могли оставлять комментарии в свободной форме. Ответ на первые два вопроса предлагалось выбрать по шкале от 1 («Точно имело место», «Полностью уверен») до 7 («Точно не имело места», «Абсолютно не уверен»).

В опросе приняли участие 24 человека в возрасте от 20 до 35 лет (1-й и 2-й опрос – по 7 человек, 3-й опрос – 10 человек). Результаты оказались таковы. На данном этапе прослеживалось небольшое увеличение воспринимаемой недоверности: *вроде/вроде бы* → *вроде как* → *вроде бы как*. Второе предположение не подтвердилось. По устным отзывам респондентов было понятно, что сам этот вопрос оказался им непонятен (чего не произошло бы, для сравнения, если бы им был предложен маркер *мол*). Сами по себе рассматриваемые частицы не привязаны к передаче эвиденциальности, это, видимо, проявляется только в контексте. Некоторые респонденты оставили комментарии, в которых обращали внимание на психологическую сторону использования маркеров неуверенности, например: «*вроде как* выражает неуверенность Оли в общении с Семёном (и другими людьми)», «он был во всем уверен, неуверенность у него появилась только после вопроса», «иногда вместо *не знаю* можно ответить *вроде бы*, т. е. сказать что-то почти наугад».

Второй эксперимент. В задачи второго эксперимента входила проверка ещё одной гипотезы: воспринимаемая неуверенность говорящего (недоверность информации) зависит от содержания того фрагмента высказывания, который маркирован частицей. Были выбраны четыре типа содержания:

- 1) высказывания о себе,
- 2) высказывания о третьих лицах,
- 3) высказывания, содержание признаков предмета или действия (говорящий может выражать сомнение в степени его проявления),
- 4) высказывания, содержащие точные данные (числа).

Предполагалось, что ожидаемый уровень неуверенности для этих ситуаций будет разный.

Анкета для второго эксперимента состояла из двух вопросов к каждому контексту:

- «Имело ли место то, о чём говорится, на самом деле?» (воспринимаемая достоверность);
- «Уверен ли говорящий в том, о чём сообщает?» (модальный план).

Для данной анкеты были подобраны 14 реальных контекстов из устного подкорпуса НКРЯ и ОРД (по одному для каждого типа содержания и частицы). Наибольшие затруднения вызвала частица *вроде бы как*. Для него не нашлось контекстов с содержанием 1-го и 4-го типа (о 1 л. и о числах). Контекст 3-го типа удалось найти, но в нём маркировано относительное прилагательное (*многонациональный*), то есть оно выражает не градуальный признак. Этот контекст, тем не менее, был включен в анкету для проверки.

Так же как и в первом эксперименте, ответы на вопросы располагались по шкале от 1 до 7. Для ответов высчитывался дифференциал – чем он больше (то есть ближе к 7), тем меньшая степень уверенности ощущается.

Эксперимент показал, что тип содержания действительно оказывает влияние на воспринимаемую неуверенность, причём большее, чем вид частицы. В таблице 6 представлены значения дифференциала, полученные при ответе на первый и второй вопросы (через слэш: 1/2), а также среднее значение для каждого типа содержания.

Таблица 6

Значения семантического дифференциала при

	<i>Вроде</i>	<i>Вроде бы</i>	<i>Вроде как</i>	<i>Вроде бы как</i>	<i>Среднее значение</i>
О себе (1 л.)	2,3 / 2,4	2,6 / 2,4	2,2 / 2,1	–	2,4 / 2,3
О других (3 л.)	2,0 / 2,1	2,4 / 2,4	3,1 / 2,9	2,4 / 2,4	2,5 / 2,45
Признак	3,2 / 3,1	3,7 / 3,5	3,8 / 3,8	2,8 / 2,8	3,38 / 3,3
Число	3,7 / 3,8	3,0 / 3,1	2,4 / 2,3	–	3 / 3,07 (без <i>вроде как</i> – 3,35 / 3,45)

Из таблицы 6 видно, что некоторые результаты оказываются несколько выше или ниже средних. В этих случаях играли роль дополнительные сильные факторы: например, в одном из контекстов информант упоминает,

что о названной дате ей сообщил другой человек. Более обширный комментарий к этим контекстам представлен в приложении.

На фоне фактора содержания вид частицы не оказывает заметного влияния. По крайней мере, на столь малой выборке этого не прослеживается.

Составные частицы *вроде бы*, *вроде как* и *вроде бы как* могут выполнять те же функции, что одиночное *вроде*, например, может служить ксенопоказателем, ср.:

- (81) Ж1#И131 *всегда ж эти *Н приходят () непонятно по какому расписанию // # *К И131 да(:) / угу // по своим этим (...) *С как у них получится // *П Ж1 но(:) / *П мне вроде бы сказали / что они вот до двух должны () всё сделать и всё решить* (ОРД);
- (82) [М1 рассказывает историю пленного немца] М1@И128 *о н говорит / там / вообще / то есть (э-э) вот / горо... город / ну / он говорит / небольшой городишко / практически нету // @ всех поубивали // *П Ж1 ох // М1 а если кто-то есть / они без рук там / без ноги все // *П и нас привезли [на танцы] // Ж1 *С *П М1 и нам ... (э-э) и нас / а мы говорит / ну / мы в эту в залу сошли // стоим в одном углу // М1@И128 а они все / там / эти женщины / стоят в другом углу // @ м / в другом / *С // Ж1 *С М1 ну / стоим и с... () смотрим друг на друга // он говорит / потом у нас один значит / вышел вперёд // ну () а типа // М1@Ж1 вот / подошёл / ну(:) / прошёл через этот / подошёл значит / да / поклонился / протянул руку / ну **и все потянулись вроде как** // @ ага / красавец* (ОРД).

Уже отмечалось, что *вроде как* имеет оттенок большей отстраненности от предмета речи, чем *вроде* и *вроде бы*. Действительно, эта частица чуть чаще других используется как ксенопоказатель (9 контекстов из 31 в ОРД; для сравнения, у *вроде бы* 4 контекста из 19).

Составные частицы также употребляются при противительной конструкции, как в уже приведённом примере (33) (*вроде бы банальщина ... а прикольно*). В следующем контексте с частицей *вроде как* происходит наложение функций ксенопоказателя и частицы при противительной конструкции:

- (83) И65#Ж2 **Н неужели разгоняли тучи ? (э-э) *Н // # разгоняли / да ? И65@Ж2 нет (э-э) г... () потом тоже спрашивали (*и им ответили, что) / **вроде как нет** / но тем не менее / *дождь (э-э) где-то в другой**

части города был *П всю ночь / а на Дворцовой& то не было // @ угу // а(:) / да / *Н // ага (ОРД).

Можно сказать, что, в отличие от сочетаний с предлогом, данные единицы (*вроде, вроде бы, вроде как, вроде бы как*) тождественны между собой в функциях и значении. *Вроде как* (и, вероятно, *вроде бы как* за счёт компонента *как*) выражают оттенок чуть большей отстраненности от предмета речи, и сравнительно часто используется как ксенопоказатель.

3.5. ВРОДЕ как предлог и как частица

Происхождение предлога *вроде* уже неоднократно исследовалось. Так, О. А. Лаптева пишет, что предложно-падежное сочетание *в родѣ* начало использоваться в канцелярской сфере с XIX века, когда эта сфера не была четко отграничена от бытовой, и это *в родѣ* долго не было распространенным в русском языке. Например, в словаре В. И. Даля оно не упоминается. «На фоне быстро осуществившейся грамматикализации *вроде* забылось его классификаторское значение (обозначение отношений рода и вида), оно стало восприниматься как обладающее лишь значением определительно-сопоставительным или приблизительного уподобления» (Лаптева 1983: 39-40). Е. Т. Черкасова исследовала происхождение *вроде* от свободного предложно-падежного сочетания до предлога через переходную стадию, в которой *в родѣ* может быть средством как лексическим (при передаче отношений рода и вида), так и грамматическим (при передаче отношений сходства). Наблюдается и *вроде* при глаголе (Черкасова 1967: 254).

Данные основного подкорпуса (ОП) НКРЯ показывают, что *вроде* встречается в текстах, написанных до 1800 г., 3 раза (причем в 2-х контекстах их этих 3-х – после глагола), а далее со следующей частотой: 1801-1850 гг. – 447 раз (ipm 34), 1851-1900 гг. – 4050 раз (ipm 95,5), 1901-1950 гг. – 6537 раз (ipm 95,2), с 1951 г. по настоящее время – 27 957 раз (ipm 195,3). Видимо, это слово появилось несколько раньше XIX века, хотя в письменную речь проникло позже, по мере демократизации стиля.

Данные устной речи позволяют дополнить эту картину. По-прежнему невыясненным остается вопрос о том, каким образом *вроде* перешло в разряд частиц, и в данном разделе об этом будет сделано предположение. Для этого рассмотрим типы сочетаний с *вроде* в перспективе развития значения и грамматических возможностей этого слова. Необходимо сразу оговориться, что выстроенная схема представляет собой некоторую абстракцию, во-первых, потому что эти сочетания, конечно, не буквально происходили друг от друга, а строились одновременно и свободно по языковым законам, а во-вторых, поскольку примеры даются из современного речевого материала. Отношения между элементами схемы – это отношения аналогии, а не генетики.

Субстантивно-субстантивные сочетания (зависимое – в форме Род. п.):

(84) (№ 1, муж) *Курт Воннегут съязвил прямо в тему / развитый разум человека / это очень опасное и вредное изобретение эволюции / своеобразная ошибка вроде огромных непомерных рогов ирландского лося из-за которых тот вымер* (Телепередача «Экстрасолнечные планеты» // Из коллекции НКРЯ, 2004).

Уже в таких сочетаниях предлог и второй элемент могут отстоять от первого и образуют отдельную синтагму – пояснение (36). Сходно могут употребляться сочетания неопределенного местоимения с предлогом в той же функции, ср.:

(85) (Кутузова, Л. Глазова, жен, 38, 1907) *Ни-ни. Мы даже зарок такой дали / вроде клятвы / до конца войны никаких романов* [С. Тимошенко. Небесный тихоход, к/ф (1945)];

(86) [Раппапорт, муж] *Все они сходились на каких-то геометрических кубиках / что-то вроде детской игры Лего.* [Лекция А. Раппапорта «Антиномии не чистого воображения // Из коллекции НКРЯ, 2000-2005].

Местоименно-субстантивные сочетания. Сочетания *вроде* + неопределенное местоимение (*что-то, что-нибудь, нечто*) окончательно оторваны от идеи рода. Они образуют автономную субъектную единицу

(конструкцию нечеткой номинации), которая может не согласовываться со словом, к которому отсылает. Например, использование местоимения *что-то* возможно, даже когда речь идет об одушевленных предметах, ср.:

- (87) [Бахтин, муж] *Отец его был что-то вроде заместителя... министра финансов тогда еще / до революции* [Беседы с М. Бахтиным, 1973 (НКРЯ)].

Обратных примеров (с *кто-то*, *кто-нибудь*, *некто*) в устном подкорпусе НКРЯ не встретилось, хотя они есть в основном корпусе, по большей части в сочетаниях типа *быть/стать кем-то вроде*, *работать/служить кем-то вроде*, *почувствовать себя кем-то вроде* и т. д.

Кроме того, первый элемент в таких сочетаниях может отпадать, ср.:

- (88) (Андрей Тимченко, Г. Жженов, муж, 64, 1915) *Терпи. Откроется (*что-то) вроде второго дыхания. Легче станет* (А. Митта и др. Экипаж, к/ф (1979)).

В этом типе сочетаний в устной речи часто наблюдается высокая компрессия значения. Предложно-падежное сочетание может «повиснуть», не присоединяясь однозначно ни к одному элементу синтаксической структуры (89), или присоединение осуществляется через метонимический перенос (90), например:

- (89) (В. Д. Дувакин, муж, 1909) *А Эренбург жил с Альтманом / вроде одной комнаты / знаете / так это... драпировка была одно время / и были очень дружны* (Беседа с А. В. Азарх-Грановской. Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина, 1968);
- (90) (Кутейщикова, О. Битюкова, жен, 16, 1958) *Стены / что-то вроде нашего пенопласта или асбеста. Воздух в помещении не имеет никакого запаха* (Р. Виктор и др. Отроки во вселенной, к/ф (1974)).

Уже в первой половине XIX века местоименно-субстантивные сочетания использовались так же часто (182 вхождения в ОП НКРЯ), как субстантивно-субстантивные (197 вхождений в ОП НКРЯ), поэтому вторые можно назвать прототипическими только формально.

Местоименно-местоименное сочетание. Далее, место второго элемента занимает указательное местоимение, структура принимает вид *что-*

то (нечто, что-нибудь) + вроде + того/этого. Второе местоимение может указывать или на явление внешнего мира (91), или, что чаще – на только что произнесенный фрагмент речи (подчеркнуто). В этом случае структура выполняет функцию метатекстового указателя на приблизительность только что сказанного, ср.:

- (91) (№ 2, жен) *Я давно хотела юбку купить / все выбирала / а это зашли случайно / я увидела / и она мне так понравилась! (№ 1, жен) Ну да / клевая. Я **что-нибудь вроде такого** ищу тоже* (НКРЯ, 2007);
- (92) (А, жен, 46) *Кречмера я ведь знаю... Где его читать-то? (В, муж, 73) Речь и конституция... **Что-то вроде этого**. Книжка переведена на русский язык* (Рассказ о конференции // Из материалов Саратовского университета, 1960-1980).

Происхождение частицы *вроде* в результате усечения такого рода местоименно-местоименного сочетания вполне вероятно. В устном подкорпусе НКРЯ встречаются (немногочисленные) примеры отпадения левой или правой части, ср.:

- (93) (Н. Лосский, муж) *Я ... мне было что-то двадцать лет или **что-то вроде** / и я прочел «Петербург» Белого. Я был в восторге* (Передача «Мифы и репутации» на Радио Свобода 24.01.07, 2007);
- (94) [Респондент, жен, 77] *Как же называлось до партии...? [Интервьюер, жен] Кандидат в члены партии? [Респондент, жен, 77] Не кандидат / по-другому. **Вот вроде этого** / да [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1997].*

Если это так, то значение таких маркеров расширилось от указания на приблизительность конкретного слова на общую неточность высказывания. За некоторыми сочетаниями (*вроде того что, что-то вроде (э)того*) закрепились частные функции: метатекстового указателя на приблизительность, обычно в постпозиции (*что-то вроде (э)того*), ксенопоказателя (*вроде того что*). Этот процесс трудно проследить по письменным источникам. В первой половине XIX века *вроде* в качестве частицы не встречается совсем. Во второй половине оно встречается в текстах, подражающих разговорной или диалектной речи, ср.:

- (95) *Кто говорит: больна она, а то бают: вроде она у него за любовницу живет* [В. Г. Короленко. Чудная (1880)] (ксенопоказатель при глаголе говорения);
- (96) – *Не могу знать... Но только думаю, ей не рука, так как денег она от меня две тысячи рублей взяла, а когда я ей объявился вашим камердинером и вышло, значит, никакого товару мне от нее не надо, деньги она мне не возвратила. – Что же из этого? – Значит, вроде сделалась как сообщница, на манер Аннушки* [Н. Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898)] (одиночный ксенопоказатель).

Как было показано выше (см. п. 3.1), в более ранних словарях (1940-50 гг.) частица *вроде* также имела помету *прост.* Видимо, развитие частицы из предлога происходило вне литературной нормы, а потом это слово вернулось в стандартный язык в новом качестве.

Адъективно-субъектные сочетания, глагольно-субъектные сочетания. В сочетаниях с именами прилагательными идея приблизительного сходства предметов (через признак первого) сохраняется, но синтаксическая роль конструкции *вроде + сущ.* меняется с атрибутивной на сирконстантную, семантически *вроде* становится близко к союзам *как, подобно*. Это позволяет переосмыслить *вроде + сущ.* как признак при предикате, и становится возможным его употребление с глаголом, ср.:

- (97) (Шура, З. Буряк, жен, 21, 1966) *Потом Ванька-матрос был. Чернявый такой / вроде цыгана.* (А. Прошкин, Э. Дубровский. Холодное лето пятьдесят третьего, к/ф (1987)) (= как, наподобие);
- (98) (Режиссер, А. Гай, муж, 51, 1914) *Чей это сигнал? (Моряк, муж) Пограничный. Видно / этот паренек нашел что-то здесь. Вот нас вроде буйка и используют* (Е. Шерстобитов. Акваланги на дне, к/ф (1965)) (= как, в качестве).

Это крайняя степень отрыва от первоначального родовидового значения данного предлога. Несмотря на это, примеры приглагольного сочетания с *вроде* находятся в основном подкорпусе НКРЯ уже с начала XIX века (в 1801-1850 гг. – 14 вхождений, все после 1830 г.), ср.:

(98) *Дамы же молодые, еще не прожившие половины столетия, красовались прической из волос, напудренных и взбитых вроде лебяжьего пуха <...>* [А. Ф. Вельтман. Эротика (1835)].

Общая картина развития *вроде* в речи представлена на следующей схеме (см. рис. 5).

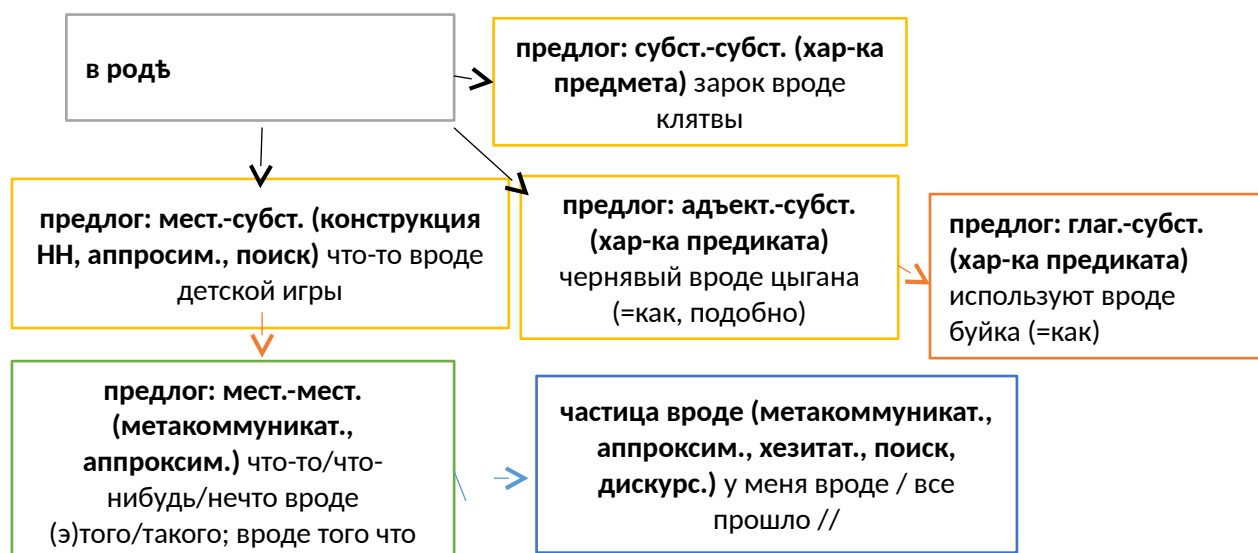

Рис. 5. Развитие грамматических разновидностей *ВРОДЕ* и его прагматических функций

3.6. Сочетаемость *ВРОДЕ* с различными языковыми единицами

Особый интерес представляет сочетаемость слова *вроде* (и его модификаций) в его основных функциях с различными языковыми единицами.

В данном разделе представлено описание тех единиц, к которым *вроде* присоединяется в качестве того или иного маркера. Описание проводилось на материале непубличной устной речи (исключая контексты из транскриптов кино в УП НКРЯ) согласно следующим принципам. Единицей, присоединяющей слово *вроде* («хозяином»), считалась:

1) единица, стоящая справа от него: *Она вроде нерабочая* (НКРЯ). В случае если справа находится словосочетание (например, прил. + сущ.), учитывался только главный член группы. Если для понимания смысла фразы необходимо полное словосочетание, то оно учитывалось отдельно, а его элементы при записи соединялись знаком (+), например:

- *Это что-то вроде «кулачный бой»?* (НКРЯ) (N, Nom + adj);
- *а-а В пятницу // а-а посмотрел расписание: вроде к первой паре* (НКРЯ) (помета – N, Dat + num-a).

2) единица, стоящая слева от него, если частица *вроде* использована в постпозиции. Такой порядок слов нормален в устной речи: *Кто-то чернику собирал вроде* (НКРЯ). Иногда маркируемый отрезок речи отделяется от *вроде* паузой:

(99) [№ 1, жен, 19] *Ты чё звонишь?* [№ 2, жен, 18] *Хотела узнать как дела.*
[№ 1, жен, 19] *Да нормально / вроде / а у тебя как?* (Телефонный разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2006).

3) в случаях инверсии (когда расстановка слов в высказывании экспрессивна или на первый план выходит актуальное членение) единица-«хозяин» определялась отдельно, исходя из контекста. Например, в (100) говорящий осуществляет поиск слова (или передает чужой поиск, поскольку это ренарратив). Частица обыкновенно присоединяется к рематической части высказывания, поэтому многократно повторённый глагол *сидят* не подходит на роль её «хозяина». Вероятнее всего, «хозяином» является найденное говорящим прилагательное *бодрые*:

(100) [Валя, жен, 20] *Просто понимаешь / говорит он / все сидят... Все сидят такие... Такие бодрые сидят вроде... и я еще так: «Как мне плохо-то»* (Разговор в семье студентов об учебе // Из коллекции НКРЯ, 2008).

Если речь информанта после *вроде* прерывалась (в результате перебива, самоисправления и т. д.), контекст помечался так: (*обрыв*). Так же помечались контексты, которые по техническим причинам не могут быть расшифрованы полностью (из-за плохого качества записи, наличия постороннего шума, наложения голосов и др.; они отмечены знаком *Н – неразборчиво).

Одиночные употребления *вроде* обозначены как 0:

(101) Ж01 *угу // # всё / ещё что-то ? *П И04#Ж01 ну / пока мы *Н ... # вот это надо посчитать конечно сколько / ну у нас вроде такой *Н* (ОРД) (помета – обрыв);

(102) И44@Ж1 *да // *П вы пользуетесь всякими / (э) вот растворчиками ? аквамарис / солин / *П физиомер / ну вот эти солевые штучки ? @*

нет // *П нет / а ... Ж1@И44@Ж1@И44@Ж1 а... нет // надо вот (...) написать Анечке // @ угу // @ Ане / чтоб она / это / (...) делала // может у нас тут только вот три есть // @ (м-м) @ потому что и **вроде бы** / **что-то** ... *П И44 угу (ОРД) (помета – обрыв);

(103) И90 он в этих (э-э) в киборгах // Ж1 в киборгах ? И90 угу // **вроде бы** (ОРД) (помета – 0).

В описании единиц-«хозяев» были использованы следующие обозначения:

Одиночные слова и словосочетания:

- *N (Nom, Gen, Dat...)* – существительное;
- *comp* – сравнительный оборот в роли существительного;
- *V* – глагол, в форме:
  - *praet* – прошедшего времени;
  - *praes* – настоящего времени;
  - *sing* – единственного числа;
  - *pl* – множественного числа;
  - *1, 2, 3 p* – первого, второго, третьего лица. Для форм прошедшего времени лицо указано условно, исходя из контекста (в скобках).

Для форм прошедшего времени лицо указано условно, исходя из контекста (в скобках). Разметка производилась таким образом для того, чтобы отследить, как часто информанты маркируют как неточные высказывания о себе, о собеседнике и о третьих лицах.

Очень интересен контекст, обозначенный *V, 1p, sing (renarration)*:

(104) [Катя, жен, 25] *что я могу тебе сказать про поездку с Серегой... Почему я **вроде как сначала типа «да» / типа «ура»** / а потом я вроде как / знаешь / как думаю...* (Разговор двух женщин в кафе о планировании поездок в отпуск // Из коллекции НКРЯ, 2007).

В этом контексте в качестве предиката выступает ренарратив с ксенопоказателем *типа* (*типа «да» / типа «ура»*). Такого рода метонимические переносы более характерны для маркера изобразительности *такой* (ср. *А он такой... А она такая...*).

- *V-Part, pass* – страдательное причастие (*одеты нормально были*);
- *Inf* – инфинитив;
- *adj* – прилагательное;
- *adv* – причастие;

- *praedic* – предикатив (обычно при ответе на вопрос о состоянии: *нормально, окей, более или менее*);
  - *pro-s* – местоимение-существительное;
  - *pro-dem* – указательное местоимение (выведено в отдельную категорию, поскольку в эту группу входят союз *вроде того что* и конструкция НН *что-то вроде (э)того*);
  - *pro-a* – местоимение-прилагательное;
  - *pro-num* – местоимение-числительное (*столько*);
  - *pro-praedic* – предикативное местоимение. Часто в этой функции выступает *всё*, передающее значение полного завершения цепочки предметов или действий, ср.:
- (105) [Посетительница1, жен] *Да / давайте. Один. И... вроде все* [Посетительница2, жен] *Все* [Продавец, муж] *Здесь кушаете?* (Разговоры в магазине // Из коллекции НКРЯ, 2006);
- (106) [В., муж, 34] *А чего ты там [в кухне] делала капусту чего-то / Галя же вчера все вроде [приготовила необходимое на сегодняшний день]* [А., жен, 57] *Ну заправляла / суп заправляла* (Домашние разговоры // Русская разговорная речь: Тексты, 1971-1977).
- *num* (*Nom, Gen, Dat...*) – числительное;
  - *num-a* – порядковое числительное;
  - *cit* – цитата, точное воспроизведение чьих-то слов: *Там было какое-то очень странное обращение / что-то вроде «мадемуазели и джентельмены»* (НКРЯ);
  - *да / нет / да нет* – для одиночных *да* и *нет*, обычно при ответе на вопрос:
- (107) [Официантка, жен] *Это всё?* [Галя, жен, 21] *Вроде да* [Официантка, жен] *Ваш заказ будет готов минут через 20* (Разговор в кафе // Из коллекции НКРЯ, 2006);
- (108) [Тамара, жен, 50] *Температуры нету?* [Елена, жен, 28] *Вроде нет* (Разговор в транспорте // Из коллекции Ульяновского университета, 2007);
- (109) [Маша, жен, 20] *Я уже говорила / где она живёт?* [Костя, муж, 21] *Да нет / вроде. А я угадал / что ль?* [Разговор друзей // Из коллекции НКРЯ, 2006].
- *формула* – таким образом обозначена игровая фразеологизированная форма ответа на вопрос *Как дела?* – *Пока не родила*, ср.:

- (110) [Юра, муж, 18] *Как твои дела?* [Саша, жен, 18] *Да вроде пока не родила...* [Юра, муж, 18] *здравствуйте* (Разговор друзей при встрече // Из коллекции НКРЯ, 2006).

Дополнительные показатели:

- *-comp* – форма сравнительной степени прилагательного или причастия;
- *-praedic* – предикативное прилагательное (*должен, нужно*);
- *+ prep* – предлог.

Предложения:

- *sentence* – предложение.

Если *вроде* подсоединяется к целому предложению в качестве детерминанта, оно записывалось как *sentence* (*структурная схема*). В описании были использованы структурные схемы, представленные в «Русской грамматике» 1980 г. (*Русская грамматика* 1980б). Обозначения, применяемые в структурных схемах, даны в приложении (см. приложение 1).

Если элемент схемы подразумевается, но в контексте опущен, он заключался в скобки, ср.:

- (111) [Юля, жен] *Да / вот у этой женщины / вон / видишь / крайняя палатка постоянно беру. По сорок. Хочешь / угощу / попробуй / только не мытые* [Рита, жен] *Да ну / успокойся / щас у нее попробую / вроде (*они) на вид красивые* (Разговор подруг на рынке // Из коллекции НКРЯ, 2006).

Судя по всему, для устной речи вообще достаточно характерно опущение подлежащего, если объект виден или понятен обоим говорящим.

Кроме того, для целей настоящего описания было введено несколько специальных обозначений:

- *sentence (compound)* – сложное предложение. В единственном контексте *вроде* в функции ксенопоказателя маркировало сложную структуру целиком, ср.:

- (112) *ЖЗ не / это тоже у них будет ЕГЭ // только пока что (...) вроде как то ли () кт... кто-то за / кто-то против* (ОРД).

- *sentence Vf2s* – обобщенно-личное предложение с глаголом в форме 2 л. ед. ч., ср.:

- (113) [Света, жен, 45] *Так-то вроде не поедешь в метро там / в электричке / а когда приходишь на место / верх снял и зажигаешь* (Разговоры в спортивном магазине // Из коллекции НКРЯ, 2006);
- (114) [Екатерина, жен, 19] *Знаете / там вроде не на улице сидишь / а просто у второго этажа крыши нет / одни навесы и получается как будто на улице* (Рассказ об отдыхе в Турции // Из материалов Ульяновского университета, 2007).

➤ *sentence (N1, comp)* – схема, тождественная по сути N1, но роль существительного играет сравнительная конструкция:

- (115) [Ш., муж, 42] *Нас человек 10 было // Едем // Раз / вроде сначала как бревно / топляк такой // Смотрим / труп // на волнах // О / утопленник* (Разговор во время отдыха на острове на Волге // Из коллекции Саратовского университета, 2002).

Другой вариант интерпретации для данного контекста – дистантное положение элемента *как* в частице *вроде как*. В таком случае это предложение полностью соответствует схеме N1.

➤ *sentence (N1)-Adj* – таким образом записан следующий контекст, в котором роль сказуемого играет местоимение *ничего* в значении ‘неплохой’, ‘нормальный’:

- (116) [№ 20, жен, 20] *Ну как вам няня?* [№ 21, жен, 64] *Ну, вроде (*няня) оказалась ничего* [№ 20, жен, 20] *Да?* (Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2005).

Рядом с некоторыми схемами в скобках даны обозначения (цели), (изъяснит.) – это указатели функции простого предложения. Эти контексты выделяются среди других, поскольку *вроде* вообще редко маркирует сложноподчиненные предложения и соседствует с союзами. Это возможно практически только для ксенопоказателя, ср.:

- (117) [Ю.К., жен] *Ну она не написала а тетя Лиля говорила вроде что договорились на 500 долларов в месяц / Ну это тоже ж мало /* (Беседа о жизни за границей // Из материалов Саратовского университета, 1990-1999) (помета – *sentence (N1)Vf* (изъяснит.));
- (118) [№ 1, жен, 18] *Анька полетела в джинсах и решила в аэропорту их переодеть / вроде как / чтобы не шокировать народ* (Разговор студентки с отцом // Из коллекции НКРЯ, 2005) (помета – *sentence Inf* (цели)).

Закономерен вопрос, каким образом маркирование глагола отграничивалось от маркирования целого предложения. Разделение проводилось по наличию выраженного подлежащего в предложении. Если *вроде* стоит перед подлежащим, то оно считается маркирующим предложение, если между подлежащим и предикатом – то маркирующим предикат, ср.:

- (119) [Артур, муж] *Я поставил не Сене* [Юлия, жен] *Сеня же не пьет вроде* [Ольга, жен] *Я думаю: «Что это как-то?»* (Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ, 2009);
- (120) [№ 2, жен, 18] *У меня вроде как все хорошо / радуется хорошая погода* (Разговоры студенток о весне и летнем отдыхе // Из коллекции Ульяновского университета, 2007);
- (121) [Люся, жен, 18] *Ну мож лечится. Тока это не дешево ведь. Танька вроде за двоих терь работает* (Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006);
- (122) [Собеседница, жен] *Она вроде бы на УЗИ не ходит* (ОРД).

Другие детерминанты (в том числе субъектные) при разметке материала не учитывались, они могут стоять и после *вроде*, и до него (как в (120) – *У меня*). Однако в том случае, если подлежащее опущено, но восстанавливается из контекста, «хозяином» считалось предложение с эллипсисом, ср.:

- (123) Ж1 *Лилия Геннадьевна (...) на время вашего отпуска на () кого сказала возлагать обязанности ? *П а / всё у вас нормально / передаёте / да // *В не не / просто тут другой сотрудник подошёл / вроде (*сотрудник) говорит она должна была* (Разговор по телефону, ОРД) (помета – *sentence (N1)Vf*);
- (124) М1#М2 *когда-то то придёте к пятнадцати надо забрать / # вот здесь что еди... пропуск / пропуск-то пропуск где это / нет у вас пропуска ? И74 да нет (*пропуска) вроде / не давали мне его* (ОРД) (помета – *sentence Нет (N2)*).

Анализ. *Вроде* в различных функциях может присоединяться к самым разным единицам, как единичным словам и словосочетаниям, так и к целым предложениям. Всего в материале исследования встретилось 92 различных единицы-«хозяина» *вроде*, из них 41 – различные типы предложений (см. Приложение 1).

Наиболее частотные единицы, при которых используется ВРОДЕ

sentence N1Vf	58 (9,3%)	sentence Vf3pl	15 (2,4%)
sentence (N1)Vf	54 (8,7%)	sentence N1-Adjполн	14 (2,4%)
adj	37 (5,9%)	да	13 (2%)
praedic	36 (5,8%)	sentence N1	13 (2%)
V, praet, (3p), sing	33 (5,3%)	V, praet, (1p), sing	11 (1,8%)
N, Nom	28 (4,5%)	sentence Praed	11 (1,8%)
adv	25 (4%)	sentence Нет N2	11 (1,8%)
обрыв	20 (3,2%)	s e n t e n c e N 1 - Adjкрат	10 (1,6%)
N, Gen	19 (3%)	sentence Vf3s	10 (1,6%)
pro-praedic	18 (2,9%)	нет	10 (1,6%)
V, praes, 3p, sing	17 (2,7%)	всего в выборке	623

Наиболее частотными из единиц, при которых используется *вроде*, оказались предложения структуры N1Vf (как с опущенным, так и с присутствующим подлежащим). Значительно отстают от них прилагательные, предикативы и глаголы в форме прошедшего времени ед. ч., обозначающие действие третьего лица (*V, praet, (3p), sing*). Вполовину реже, чем предложения, присоединяют *вроде* существительные в Им. и Род. п., а также причастия. В верхнюю часть списка входят также глаголы прошедшего времени в предложениях, где говорящий высказывается о самом себе (*V, praet, (1p), sing*), слова *да* и *нет* и предложения других типов. Другими словами, в разговорной речи *вроде* функционирует как присловный маркер гораздо реже, чем маркер общей неуверенности в высказывании. Люди чаще используют стратегию нечёткости, позволяющую отстраниться от фразы целиком, чем указывают на приблизительность конкретных

наименований или сведений. Значительную долю предложений *Vf3s* составляют ренарративы, ср.:

(125) – *А сегодня я слышал вроде дождь обещали* (Разговоры с соседями // Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. НКРЯ);

(126) [Елена, жен, 23] *Хотя / вроде говорят / что конфетки всякие можно через границу* (Телефонный разговор // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2007).

Несколько отличается верхняя часть списка для *вроде* в функции ксенопоказателя, распространителя противительной конструкции и предлога (см. табл. 8).

Таблица 8

Наиболее частотные единицы-«хозяева» ВРОДЕ в функциях ксенопоказателя, предлога и при противительной конструкции

	ксен.-тель		Вроде X,		предлог
sentence (N1)Vf	12	sentence (N1)Vf	15	N, Gen	16
sentence N1Vf	12	adj	9	adj	2
adj	10	sentence N1Vf	7	cit	2
V, praet, (3p), sing	5	V, praet, (3p), sing	7	pro-dem	2
adv	4	N, Nom	6	comp	1
N, Nom	4	praedic	5	N, Nom	1
sentence N1-Adjполн	4	adv	4	N, Gen + pro-a	1
V, praet, (1p), sing	3	sentence N1-Adjполн	4	pro-s, Gen	1
sentence Praed	3	sentence Praed	4	обрыв	1
sentence Vf3pl	3	V, praet, (1p), pl	4	0	1
sentence N1	3	sentence N1	3		
всего в выборке	96		104		29

Вроде в первых двух функциях, так же как *N1Vf* или более часто употребляется в предложениях структуры *(N1)Vf*. Это неудивительно, так как и ренарративы, и противительные конструкции редко бывают начальными в высказывании. К тому моменту, как они используются, предмет речи или деятель уже могут быть заявлены, и, в соответствии с принципом экономии, он не повторяется в каждой новой фразе. Собеседникам и так ясно, о ком или о чём идёт речь, ср.:

(127) [№ 1, муж, 19] *И что он тебе говорит?* [№ 2, муж, 20] *Он говорит / что мечта / двигатель прогресса* [№ 1, муж, 19] *Ок. Слушай / чё за бред мы порем / а ВРОДЕ бы (*мы) и не пили и не курили ничего... Больная тема* [Разговор двух мужчин // Из коллекции НКРЯ, 2005].

Кроме этого, конечно, в некоторых контекстах на деятеля указывает личная форма глагола (ср.: *я говорю дак и (*я) не знаю вроде*).

Остальная часть списка отличается от общей частотности весьма незначительно.

Для предлога, как и ожидалось, наиболее характерно сочетание с именем в Род. п. На его долю приходятся обе встретившиеся в материале цитаты, в конструкции НН *что-то вроде X*, ср.:

(128) [№ 2, жен, 20] *Ну / что-то / знаешь / ВРОДЕ «здравствуйте / мои дорогие сестренки» / «Лена / извини / что мы с тобой не встретились» / «надеюсь ты мне сообщишь свой контактный телефон/ и мы с тобой будем общаться» что-то такое... И там мне она... То есть получается / как будто она написала одно письмо и послала его видимо и мне / и Лене...* (Телефонный разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2006).

Ср. также уже приведенный контекст *Там было какое-то очень странное обращение / что-то вроде «мадемуазели и джентельмены»* (НКРЯ).

Интересен контекст, в котором *вроде* присоединяется к сравнительной конструкции. В нём отсутствует грамматическая связь между предлогом и именем, но выражается семантика схожести, функционально это – конструкция НН. Возможно также «достроить» эту конструкцию, ср.:

(129) [А, жен, 46] *Вот я вспомнила. Но все дело в том / что... Там же очень мало материала. Он нашел / Тур Хейердал / нашел какую-то тетрадку / (*что-то) вроде как словарь* (Разговор в семейном кругу // Из материалов Саратовского университета, 1960-1980).

Вывод. Слово *вроде* обладает широкими возможностями сочетаемости. Частица *вроде* значительно чаще распространяет предложение, чем одиночное слово или словосочетание. В своих частных функциях (ксенопоказатель, модификатор противительной конструкции) оно сохраняет

ту же сочетаемость, однако в них проявляется тенденция к опущению подлежащего. *Вроде*-предлог закономерно употребляется чаще всего с именами в форме род. п., хотя возможно и его сочетание со сравнительной конструкцией в роли имени (встречаются контексты, которые допускают такую трактовку). Эти случаи можно считать переходными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были проанализированы функции слова *вроде* в русской устной речи, а также некоторые аспекты его семантики и сочетаемости.

В ходе исследования было выявлено, что с точки зрения прагматики *вроде* является полифункциональным маркером. Его основные функции – это создание конструкций нечёткой номинации, маркирование чужой речи или чужой точки зрения (функция ксенопоказателя), аппроксимация, хезитация и поиск, уменьшение категоричности высказывания («стратегия нечёткости», *hedging*). Последняя функция реализуется по-разному в зависимости от контекста и связана с другими дискурсивными эффектами, такими как, например, вежливость. Уменьшение категоричности в диалоге часто преследует тактические цели (отступить перед более сильным оппонентом, если он выше по статусу и т. д.).

Особую функцию реализует *вроде* в противительных конструкциях: *Вроде X, (но) P*. В этой структуре *вроде* служит модификатором конструкции, усиливающим гипотетичность первого элемента X (менее важного в противопоставлении). Синоним *вроде* в этой функции – *казалось бы*, которое также вносит в смысл конструкции оттенок «кажимости» элемента X. Представляется, что *вроде X, (но) P* не является отдельной конструкцией (поскольку она не обладает собственным значением, отличным от немодифицированной *X, но P*), однако эта структура, или «риторическая рамка», достаточно частотна и слитна. В языке имеется целый ряд такого рода «рамок»: *частица + противительная конструкция: типа X,P; якобы X, P; по идее X, P* и др. Они концептуально схожи и могут служить предметом отдельного исследования.

Не встретилось в материале исследования *вроде* в функции частицы перед перечислением (= *как то*), хотя такое значение фиксируется всеми словарями.

Вроде может также входить в различные устойчивые сочетания и является составным элементом ряда конструкций. Были выявлены следующие устойчивые сочетания с *вроде*:

- *вроде того что* – союз, используемый в функции ксенопоказателя;
- *что-то вроде (э)того* – маркер-аппроксиматор, указывающий на приближенность только что сказанного; обычно используется в постпозиции к маркируемому отрезку речи;
- *вроде бы, вроде как, вроде бы как* – частицы, функционально тождественные *вроде*. *Вроде как* и *вроде бы как* предположительно передают несколько большую отстраненность говорящего от предмета речи. В целом различия между данными частицами нивелируются другими факторами контекста, такими как характер передаваемого сообщения, ситуация произнесения, источник информации и др.

Вроде-предлог входит в следующие конструкции:

- А *вроде* В (*парень вроде меня; местный поезд вроде нашей электрички*);
- Х *вроде* В (*нечто вроде истерики*);
- А (это) (Vf) (X) *вроде* В («*простой объект*» – *это нечто вроде элементарной частицы; тело вроде тары*);
- Это (Vf)(X) *вроде* В (*это что-то вроде конкурса на звание лучшего Бармалея*);
- Praed *вроде* В (*используют вроде буйка; завяжи ему вроде намордника*).

Далее в работе *вроде* было рассмотрено с точки зрения сочетаемости с другими языковыми единицами. Частица *вроде* значительно чаще распространяет предложение, чем одиночное слово или словосочетание. Часто оно маркирует прилагательные, предикативы и наречия, а также глаголы в форме прошедшего времени. В своих частных функциях (ксенопоказатель и модификатор противительной конструкции) *вроде*

сохраняет ту же сочетаемость, однако для маркируемых предложений в этом случае характерно опущение подлежащего.

Наконец, была произведена попытка осмыслить переход *вроде* из предлогов в частицы. Поскольку мы имеем записи устной речи только со второй половины XX века, был привлечен и основной подкорпус НКРЯ. Исследование показало, что *вроде* встречается в текстах, начиная ещё с XVII века, причём оно практически сразу приобрело возможность сочетаться с глаголом (*Praed вроде B*), а не только с именем. На протяжении XIX века это слово увеличивало свою «популярность», однако использовалось только в качестве предлога. Роль частицы оно получило только в сниженном варианте языка. В нескольких текстах второй половины XIX века *вроде* встречается в речи персонажей «из народа», причём в функции ксенопоказателя (*то бают: вроде она у него за любовницу живет*). Ещё в словарях середины XX века *вроде* в роли частицы со значением неуверенности имеет помету *прост.* По-видимому, это слово совсем недавно стало принадлежностью литературного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – «Словарь современного русского литературного языка» (1951), «Большой академический словарь русского языка» (2005);
- БТС – «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова;
- ЗКРЯ – Звуковой корпус русского языка;
- МАС – «Словарь русского языка» в 4-х. т. («Малый академический словарь»);
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка;
- ОП – основной подкорпус Национального корпуса русского языка;
- ОРД – «Один речевой день», подкорпус Звукового корпуса русского языка, в котором содержатся транскрипты повседневной речи, собранной по методу 24-часовой записи;
- ПХ – пауза хезитации;
- НН – нечёткая номинация;
- САТ – Сбалансированная аннотированная текстотека, подкорпус Звукового корпуса русского языка, в котором содержатся записи монологов чтения, пересказа, описания изображения и рассказы на заданную тему;
- УП – устный подкорпус Национального корпуса русского языка;
- FTA – face-threatening act.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Большой академический словарь русского языка*. Т. 3. Во-Вящий / Под ред. Л. И. Балахоновой и Н. В. Соловьева. – М.: Наука, 2005. – 664 с.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. *Гайдамак Н. А., Имедадзе Н. А., Осипов Б. И., Харламова М. А., Юнаковская А. А., Якимук О. В.* Словарь современного русского города: Около 11 000 слов. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 565 с.
4. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // Толковый словарь Ефремовой (электронный ресурс). URL: www.efremova.info (Дата обращения: 17.11.2014).
5. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.*, Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) // Словари на основе «Национального корпуса русского языка» (электронный ресурс). URL: dict.ruslang.ru/freq.php (Дата обращения: 20.04.2016).
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992 // Словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <http://ozhegov-online.ru/>
7. *Словарь русского языка*: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – 702 с.
8. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 2. В / Под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 1393 с.
9. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 708 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 151 с.
2. *Александрова О. А.* Речекоммуникативный статус паузы колебания. Дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 208 с. (машинопись).
3. *Апресян В. Ю.* Противительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. – № 2, 2006. – С. 85-110.
4. *Арутюнова Н. Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 389
5. *Арутюнова Н. Д.* Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. *Н. Д. Арутюновой*. – М.: Яз. русск. культуры, 2000. – С. 437-452.
6. *Баева Е. М.* О способах социолингвистической балансировки устного корпуса (на примере «Одного речевого дня») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 4 (28), 2014. – С. 48-57.
7. *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
8. *Богданова Н. В. и др.* Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 16-21.
9. *Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. – М.: РГГУ, 2012. – С. 71–83.
10. *Богданова-Бегларян Н. В.* О словаре «не-слов»: возможности лексикографического описания вербальных хезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13-15 ноября 2013 г. / Отв. ред. *В. Д. Черняк*. – СПб.: Сага, 2013. – С. 359–364.

11. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи (определение понятия и общая типология) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014, вып. 3 (27). – С. 7-20.
12. *Богданова-Бегларян Н. В.* Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. *Д. Шумска, К. Озга*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015a. – С. 345-354.
13. *Богданова-Бегларян Н. В.* Новый материал – новые термины // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г. Тезисы. – СПб., 2015b. – С. 558-559 / URL: <http://www.conference-spbu.ru/conference/30/reports/1962/>
14. *Богданова-Бегларян Н. В., Баева Е. М., Блинова О. В., Ермолова О. Б., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* О социологическом расширении звукового корпуса «Один речевой день» // XLIV Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 года. Тезисы. – СПб., 2015a. – С. 554-555 / URL: <http://www.conference-spbu.ru/conference/30/reports/1962/>
15. *Богданова-Бегларян Н. В., Е. М. Баева, О. В. Блинова, О. Б. Ермолова, А. И. Рыко, Т. Ю. Шерстинова.* Звуковой корпус русского языка как база для социолингвистических исследований // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы конференции // <http://www.dialog-21.ru/digest/2015b/?type=conference>.
16. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Фонетические законы // *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963 // Казанская лингвистическая школа (Интернет-ресурс) URL: <http://www.kls.ksu.ru/boduen/bibbod.php?id=14&num=24000000> (Дата обращения: 12.03.2016).
17. *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. №4. – М.: АН СССР, 1981. – С. 333-343
18. *Верхолетова Е. Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2010. – 19 с.
19. *Викторова Е. Ю.* Вспомогательная система дискурса. – Саратов: ООО Изд. Центр «Наука», 2015. – 404 с.
20. *Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. – № 5, 1986. – С. 98-106.

21. *Городская разговорная речь* и проблемы её изучения. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – 183 с.
22. *Грабовская И. В.* Теоретические основания изучения метакоммуникативных вопросов в англоязычном диалогическом дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. – С. 78-82.
23. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник / Пер. с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. *Н. Д. Арутюновой* и *Е. В. Падучевой* / Общ. ред. *Е. В. Падучевой.* – М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
24. *Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // *Национальный корпус русского языка: 2003-2005.* – М.: Индрик, 2005. – С. 94-110.
25. *Гришина Е. А., Савчук С. О.* Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // *Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы.* – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 129-149.
26. *Дараган Ю. В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // *Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям.* Т. I. Теоретические проблемы. (Электронный ресурс) URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive /2000/?year=2000&vol= 22724&id=6260> (Дата обращения: 18.04.2016).
27. *Дараган Ю. В.* Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // *Труды Международного семинара Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, т. 1: Теоретические проблемы.* – Протвино: РГГУ, 2003. – С. 166–178.
28. *Девятайкин А. И., Сиротинина О. Б.* Устная речь писателей и ученых: соотношение общеустного и функционально-стилевого. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. – 180 с.
29. *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона: Около 450 слов. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
30. *Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева И.И.* Городские социолекты: пермская городская речь: звучащая хрестоматия (Бюллетень Фонетического Фонда русского языка). – Пермь: Бохум, 2000.
31. *Живая речь* уральского города. Тексты. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 1995. – 206 с.

32. *Зайдес К. Д.* Метакоммуникативные конструкции в устной спонтанной речи как предмет многоаспектного исследования // Актуальные проблемы современной науки. Научная сессия «XVII Невские чтения». Материалы международных научных конференций. № 1 (7). – СПб., 2015. – С. 176-185.
33. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 536 с.
34. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 396 с.
35. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 364 с.
36. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
37. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Синтаксис. Словообразование. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
38. *Инфантова Г. Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи: Пособие для спецкурса. – Ростов-на-Дону: Рост.-на-Дону гос. пед. ин-т, 1973. – 135 с.
39. *Казеко Т. Н.* Специфические синтаксические конструкции устной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1989. – 19 с.
40. *Капустина Т. Д.* Особенности функционирования вводного слова *по идее* в устной спонтанной речи // Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. XIX Открытая конференция студентов-филологов. 18-22 апреля 2016 г. (устный доклад).
41. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.
42. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009, № 2. – С. 3-21.

43. *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* (ред.) *Рассказы о сновидениях* (корпусное исследование русского устного дискурса. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
44. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* *Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект.* – М.: Рус. слов., 1999. – 253 с.
45. *Кожевникова К. О.* *смысловом строении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика.* – М.: Прогресс, 1985. – С. 512-524.
46. *Кокошкина И. В.* *Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011. – 23 с.
47. *Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б.* *Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи.* – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1988. – 149 с.
48. *Крушевский Н. В.* *Очерк науки о языке (1883) // Сайт «Казанская лингвистическая школа».* URL: <http://www.kls.ksu.ru/krush/articles.php?id=1> (Дата обращения: 28.02.2016).
49. *Крысин Л. П.* *Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении.* – № 2 (16), 2008. – С. 110-118.
50. *Кутруева Н. Г.* *О восприятии некоторых русских вербальных хезитативов носителями других языков // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология.* – Пермь: ПермГУ, 2015. – Вып. 2(30). – С. 34-43.
51. *Лаптева, О. А.* *Типа или вроде? // Вопросы языкознания.* М.: АН СССР, 1983. – №1. – С. 39-51.
52. *Лаптева О. А.* (ред.) *Современная русская устная научная речь.* – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. – 375 с.
53. *Ларин Б. А.* *Разговорная речь Московской Руси XVI–XVII вв. в записях иностранцев (тезисы доклада на сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета).* // Ruthenia: Архив Петербургской русистики. URL: www.ruthenia.ru/apr/textes,larin/bibliogr.htm (Дата обращения: 04.03.2016)
54. *Ларин Б. А.* *Разговорный язык Московской Руси // Philology.ru: Русский филологический портал.* URL: www.philology.ru/linguistics2/larin-77b.htm (Дата обращения: 14.02.2016). По изд.:

- Начальный этап формирования русского национального языка. Сб. статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 256 с.
55. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
56. *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284–288.
57. *Лингвистика конструкций* / Под ред. Е. В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010.
58. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник / Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
59. *Перфильева Н. П.* Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1983. – 193 с.
60. *Петрунина С. П.* Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты // Вестник ТГПУ. – 2005, № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyu-shum-v-ustnoy-spontanoy-kommunikatsii-slova-parazity> (дата обращения: 13.04.2016).
61. *Пигрова Е. К.* Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи. Автореф. дис. .... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 18 с.
62. *Плунгян В. А.* Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. – 2005. № 2. – С. 296-308.
63. *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // В. Wiemer & V. A. Plungjan. Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband. – München: Sagner, 2008. – С. 285-311.
64. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.
65. *Подлеская В. И.* «Я занимаюсь этой... как её... типологией»: к типологии местоименных маркеров хезитации // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. – СПб.: Нестор–История, 2005. – С. 125-130.

66. *Подлеская В. И.* Нечёткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. *В. П. Селегей*. – М.: РГГУ, 2013. – С. 619-632.
67. *Подлеская В. И.* «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». – М.: РГГУ, 2014. – Вып. 13(20). – С. 547–561.
68. *Пожарицкая С. К.* О возможности словарного описания разговорной речи // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 2 (18). – С. 219-224.
69. *Прокуровская Н. А.* Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. – 228 с.
70. *Разновидности городской устной речи.* Сборник научных трудов / Под ред. *Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской*. – М.: Наука, 1988. – 260 с.
71. *Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи.* URL: <http://spokencorpora.ru/> (Дата обращения: 18.05.2016).
72. *Речь города: Тезисы докладов Всероссийской межвузовской научной конференции / Под ред. Б. И. Осипова.* В 2 Ч. – Омск: ОмГУ, 1995.
73. *Русская грамматика. Т 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонации. Словообразование. Морфология.* – М.: Инс-т. русск. яз., 1980. – 783 с.
74. *Русская грамматика. Т 2. Синтаксис.* – М Инс-т. русск. яз., 1980. – 709 с.
75. *Русская разговорная речь // Отв. ред. Е. А. Земская.* – М.: Наука, 1973. – 485 с.
76. *Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе.* – М.: Наука, 1978. – 307 с.
77. *Савченко Д. С.* Предлог *вроде* как функциональная единица устной речи. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3(27). – Пермь: Пермский государственный университет, 2014 г. – С. 31-41
78. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.

79. *Семенова О. В.* Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 16 с.
80. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник / Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. *И. М. Кобозевой* и *В. З. Демьянкова* / Общ. ред. *Б. Ю. Городецкого*. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195-222.
81. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и её особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
82. *Скребнев Ю. М., Сиротинина О. Б.* Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985 – 208 с.
83. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики (извлечения). 2006 г. // Электронная библиотека кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_184.shtml (Дата обращения: 28.02.2016).
84. *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики: проблема субъекта // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: АН СССР, 1981. – №4. – С. 325-332.
85. *Урысон Е. В.* Союзно, или что такое «обманутое ожидание»? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М.: Наука, 2005. – С. 469–481.
86. *Фоменко Ю. В.* Слова-сорняки в современной русской речи. *Technogrammatike* (Искусство грамматики). Вып. 1. – Новосибирск, 2004. – С. 530-534.
87. *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
88. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.
89. *Шерстинова Т. Ю., Степанова С. Б., Рыко А. И.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Секция: «Формальные методы анализа русской речи». – СПб: СПбГУ, 2009. – С. 66-75
90. *Шмелев А. Д.* Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Тез. Докл. междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1998.
91. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24-39

92. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска). Хрестоматия. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 168 с.
93. Юнаковская А. А. «Язык города»: основные компоненты и их функционирование (на материале г. Омска) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. – № 3. Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-goroda-osnovnyye-komponenty-i-ih-funksionirovanie-na-materiale-g-omska> (дата обращения: 05.03.2016).
94. Яковлев А. Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 2. – С. 176–178.
95. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Philology.ru: Русский филологический портал. URL: www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm По изд.: Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: 1986. – С. 17-58.
96. Bittner, T., Smith, B. Vague Reference and Approximating Judgments. Spatial Cognition and Computation // An Interdisciplinary Journal. – 3:2-3, 2010. – Pp. 137-156.
97. Bloomfield, L. A Set of Postulates for the Science of Language // Language. – 1926, v. 2, № 3. – Pp. 153-164.
98. Blum-Kulka, S. Indirectness and Politeness in Requests: Same or Different? // Journal of Pragmatics. – 1987, № 11. – Pp. 131-146.
99. Brown, P., Levinson, S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
100. Channell, J. More on Approximations: a Reply to Watchel // Journal of Pragmatics. – 1980, № 4. – Pp. 461-476.
101. Channell, J. Vague language. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 248 p.
102. Clemen, G. The Concept of Hedging: Origins, Approaches and Definitions // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. – Berlin; New York: De Gruyter, 1997. – Pp. 235-248.
103. Dijk, T. A. van Pragmatic connectives // Journal of Pragmatics. – 1979, №3. – Pp. 447-456
104. Fleisher-Feldman The ‘old’ pragmatics and the ‘new’: Afterthoughts on a revolution // Journal of Pragmatics. – 1986, №10 (4) – Pp. 405-413

105. *Fox Tree, J. E. & Tomlinson, J. M., Jr.* The rise of like in spontaneous quotations // *Discourse Processes*. – 2008, №45. – Pp. 85-102.
106. *Fraser, B.* Perspectives on Politeness // *Journal of Pragmatics*. – 1990, № 14 (2). – Pp. 219-236.
107. *Fraser, B.* Pragmatic Markers // *Pragmatics*. – 1996, № 6 (2). – Pp. 167-190.
108. *Fraser, B.* Pragmatic Competence. The Case of Hedging // *New Approaches to Hedging [Based on Selected Papers Presented at the Panel «Vague Language: the Use of Approximators and Hedges in Spoken and Written Corpora» at the 10th International Pragmatics Conference in Göteborg]*. – Bingley: Emerald, 2010. –Pp. 15-34.
109. *Gu, Yu.* Politeness Phenomena in Modern Chinese // *Journal of Pragmatics*. – 1990, № 14 (2) – Pp. 237-258.
110. *Gunthner, S., Mutz, K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.) // *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. – Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. – Pp. 77–107.
111. *Haberland, Mey* Editorial: Linguistics and Pragmatics // *Journal of Pragmatics*. – 1977, № 1 – Pp. 1-12.
112. *Kopytko, R.* Against Rationalistic Pragmatics // *Journal of Pragmatics*. – 1995, № 23. – Pp. 475-491.
113. *Lakoff, G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973, № 2 – Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company. – Pp. 458-508.
114. *Lakoff, R.* If's, and's and but's about Conjunction // *Studies in Linguistic Semantics*. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – Pp. 114-149.
115. *Levinson, S. C.* Pragmatics // *International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*. Vol. 17 / *N. Smelser & P. Baltes* (eds). – Oxford: Pergamon, 2001. – Pp. 11948-11954.
116. *Markkanen, R.* (ed.) *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. – Berlin; New York: De Gruyter, 1997. – 280 p.
117. *Matsumoto, Yo.* Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // *Journal of Pragmatics*. – 1988, № 12 (4). – Pp. 403-426.
118. *Miller J., Weinert, R.* *Spontaneous Spoken Language: Syntax and Discourse*. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 475 pp.

119. *Morris, C.* Writings on the General Theory of Signs. Mouton & Co. N.V, Publishers, The Hague. Paris, 1971. – 486 p.
120. *Nwoye, O., G.* Linguistic Politeness and Sociocultural Variation of the Notion of Face // *Journal of Pragmatics*. – 1992, № 18 (4). – Pp. 309-328.
121. *O'Driscoll, J.* About Face: A Defense and Elaboration of Universal Dualism // *Journal of Pragmatics*. – 1996, № 25. – Pp. 1-32.
122. *Rathmayr, R.* Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München : Sagner, 1985. – 354 p.
123. *Ruesch, J., Bateson, G.* Communication: The Social Matrix of Psychiatry. – N. Y.: W. W. Norton, 1951. – 314 p.
124. *Sadock, J.* Truth and Approximations. Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – 1977. – Pp. 430-439.
125. *Sapir, E.* Language: An Introduction to the Study of Speech. – Courier Dover Publications, 2004. – 124 p.
126. *Savchenko D. S.* On Possible Functions of X_{ind} vrode/tipa/napodobie 'like' Y in Russian Colloquial Speech // *Коммуникативные исследования*. – № 4(6) Омск: ОмГУ, 2015. – С. 100-108
127. *Schiffrin, D.* Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988 – 364 p.
128. *Searle, J.R.* What is a speech act? // *Philosophy in America*. – London: Allen & Unwin, 1965. – p. 221-239.
129. *Swerts, M.* Filled Pauses as Markers of Discourse Structure // *Journal of Pragmatics*. – 1998, № 30. – Pp. 485-496.
130. *The Preposition Project 2014*. URL: www.clres.com/prepositions.html (Дата обращения: 14.04.2016);
131. *Watchel, T.* Pragmatic Approximation // *Journal of Pragmatics*. – 1980, № 4. – Pp. 201-211.
132. *Watchel, T.* Distinguishing between Approximators // *Journal of Pragmatics*. – 1981, № 5. – Pp. 311-322.
133. *Wierzbicka, A.* Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts: Polish vs. English // *Journal of Pragmatics*. – 1988, № 9. – Pp. 145-178.
134. *Wierzbicka, A.* Precision in Vagueness. The Semantics of English 'Approximatives' // *Journal of Pragmatics*. – 1986, № 10. – Pp. 597-614.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сочетаемость *вроде* в различных функциях

	всего		ксен.		) РВроде X,		предлог
sentence N1Vf	58	sentence (N1)Vf	13	sentence (N1)Vf	15	N, Gen	16
sentence (N1)Vf	54	sentence N1Vf	11	adj	9	N, Nom	3
adj	37	adj	10	sentence N1Vf	7	adj	2
praedic	36	V, praet, (3p), sing	5	V, praet, (3p), sing	7	cit	2
V, praet, (3p), sing	33	adv	4	N, Nom	6	pro-dem	2
N, Nom	28	N, Nom	4	praedic	5	0	1
adv	25	sentence N1 - Adjполн	4	adv	4	N, Gen + pro-a	1
обрыв	20	V, praet, (1p), sing	3	sentence N1 - Adjполн	4	pro-s, Gen	1
N, Gen	19	sentence Praed	3	sentence Praed	4	обрыв	1
pro-praedic	18	sentence Vf3pl	3	V, praet, (1p), pl	4		
V, praes, 3p, sing	17	sentence N1	3	sentence N1	3		
sentence Vf3pl	18	N, Nom + adj	2	V, praet, (1p), sing	2		
sentence N1-Adjполн	14	sentence Vf3s-Inf	2	N, Nom + pro-a	2		
да	13	sentence Het N2	2	sentence Vf3s- Inf	2		
sentence N1	13	V, praes, 1p, sing	2	sentence Het N2	2		
V, praet, (1p), sing	11	V, praet, (1p), pl	2	sentence Ничего N2	2		
sentence Praed	11	да	2	V, praes, 1p, sing	2		
sentence Het N2	11	обрыв	2	V, praes, 3p, pl	2		
sentence N1-Adjкрат	10	0	1	N, Acc + prep	1		
sentence Vf3s	10	adv-comp	1	N, Dat + a-num	1		
нет	10	N, Dat + num-a	1	N, Dat + prep	2		
0	9	N, Dat + num, Dat + prep	1	N, Nom + adj	1		
V, praet, (1p), pl	9	N, Gen	1	num, Nom + N, Gen	1		
N, Nom	7	num, Nom + N, Gen	1	pro-praedic	1		
N, Nom + adj	7	praedic	1	sentence Advquant-N2	1		
pro-dem	7	sentence (compound)	1	sentence N1 - Adv	1		
sentence Vf2s	7	sentence Advquant-N2	1	sentence N1Part1крат	1		
N, Acc	6	sentence N1 (условн.)	1	sentence Nquant-N2	1		
N, Loc	5	sentence N1-Adv	1	sentence Vf2s	1		
adj-comp	4	sentence N1 - NInstr	1	sentence Vf3pl	1		

adv-comp	4	sentence Nquant-N2	1	sentence Vfpl3	1		
pro-a, Nom	4	sentence Vf2s	1	V, 1p, sing (renarration)	1		
V, praet, (3p), pl	4	sentence Vf3s	1	V, praes, 1p, pl	1		
adj-praedic	3	sentence Vfs2 (изъяснит.)	1	V, praes, 3p, sing	1		
num-a, Nom	3	sentence Ничего N2	1	V, praet, (2p), pl + N, Acc	1		
sentence Ничего N2	3	V, praes, 3p, pl	1	V-Part, past, pass, pl + adv	1		
V, praes, 1p, sing	3	V-Part, past, pass, pl + adv	1	да	1		
V, praet, (2p), pl	3			нет	1		
есть	3			обрыв	1		
comp	3						
cit	2						
N, Instr	2						
num, Acc + prep	2						
sentence Advquant-N2	2						
sentence Inf	2						
sentence N1-NInstr	2						
sentence N1-NLoc	2						
sentence Praed Inf	2						
sentence Vf3s-Inf	2						
V, praes, 3p, pl	2						
V, praes, 3p, sing (mod) + inf	2						
V, praet, 2p, sing	2						
N, Dat + prep	2						
N, Dat + num, Dat	1						
N, Dat + num-a	1						
num, Gen	1						
num-a, Gen	1						
num-a, Loc	1						
pro-num	1						
pro-s, Gen	1						
pro-s, Nom	1						
sentence (compound)	1						
sentence (N1)	1						
sentence (N1)-Adj	1						
sentence (N1)-Adjкратк	1						
sentence (N1)-Adjполн	1						
sentence (N1)Vf (изъясн.)	1						
sentence (N1, comp)	1						
sentence (Нет) N2	1						
sentence Adjпкратк	1						
sentence Adjsкратк	1						
sentence Inf (цели)	1						
sentence N1 (условн.)	1						
sentence N1-(Adjкратк)	1						
sentence N1-Adjcomp	1						

sentence N1-Adv	1						
sentence N1-N1	1						
sentence N1-NAcc	1						
sentence N1-NGen	1						
sentence N1Part1 _{кратк}	1						
sentence N2Vf3s	1						
sentence Nquant-N2	1						
sentence Vfs2 (изъяснит.)	1						
sentence Нет (N2)	1						
sentence фразеол. с предл.	1						
V, 1p, sing (renarration)	1						
V, praes, 1p, pl	1						
V, praes, 2p, sing + adv	1						
V, praet, (3p), sing-mod + inf	1						
V-Part, past, pass, pl + adv	1						
да нет	1						
формула	1						
всего	62						
	3						

Структурные схемы предложений

- Adjpl_{кратк} – Должны вроде послать в связь;
- Adjs_{кратк} – Там платно вроде;
- Adv_{quant}-N2 – Вроде у тебя много друзей; Так вроде мыслей много;
- Inf – Вроде опять за стол садиться;
- N1 – Вроде в одном месте есть сороковка; У меня народ [т. е. гости] вроде;
- N1-Adj_{сomp} – Они поярче вроде;
- N1-Adj_{кратк} – Вроде все нормально; Вроде всё хорошо;
- N1-Adj_{полн} – Дом хороший вроде; Вроде нормальная поликлиника;
- N1-Adv – Они вместе вроде;
- N1-N1 – У них вроде одна дочь – художница тоже;
- N1-NAcc – Ну вроде недели на две, на три такая погода;
- N1-NGen – Он семьдесят второго года вроде;
- N1-NInstr – Вроде как все за пенсией;
- N1-NLoc – Вроде половинка на связи;
- N1Part1_{кратк} – Он сделан из белых цветов вроде как;
- N1Vf – Вроде как уже месяц уже подходит к концу;
- N2Vf3s – А вроде всё (*всего) хватает;
- N_{quant}-N2 – Вроде и денег с собой прилично;
- Praed – Тут-то вроде как сухо;
- Praed Inf – Нам уже вроде скоро и идти пора;

фразеол. с предл. (фразеологизованной структуры с предложным компонентом)	– <i>Тебе ж к десяти / вроде;</i>
Vf2s	– <i>Там вроде не на улице сидишь; Так-то вроде не поедешь в метро там;</i>
Vf3pl	– <i>Вроде бы до октября обещают; Её вроде боком задело;</i>
Vf3s	– <i>Вроде стало жить получше; Мне этого вроде нормально хватает;</i>
Vf3s-Inf	– <i>Вроде бы там воды-то много не могло / вместиться; Вроде хочется помочь;</i>
Нет N2	– <i>Вроде конъюнктивита нет; Вроде ну ничего такого специфического то у неё не было;</i>
Ничего N2	– <i>Никогда вроде бы не было ничего такого вообще;</i>
(compound)	– <i>Вроде как то ли () кт... кто-то за / кто-то против;</i>
(N1, comp)	– <i>Вроде сначала как бревно.</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Структура перцептивного эксперимента

Первый (пилотный) эксперимент

Опытные контексты:

Ситуация 1.

Семён: "Я слышал, они там на перемене подрались?"

Оля: "Олег **вроде (бы/как/бы как) ударил Васю**".

Ситуация 2.

Оля: "А почему Витю в школе живодёром называют?"

Вася: "Он **вроде (бы/как/бы как) замучил кота**".

Ситуация 3.

Оля: "А деньги за машину вы получили?"

Семён: "Петя **вроде (бы/как/бы как) отдал**".

Ситуация 4.

Марина: "А где Олежка в это время был?"

Семён: "Он **вроде (бы/как/бы как) играл с попугаем**".

Второй эксперимент

Опытные контексты:

1

Максим: Ну к... я не знаю как такое происходит, у меня последняя контрольная восемь с половиной баллов. Ну ладно, уже всё.

Олег: Но это странно, потому что вон у Яны, у неё семь накоплено, а оценки **вроде хуже**.

2

Анна: Слушай, ну пока да, пока тогда это самое, э-э (смех). Пока не знаю, что там будет дальше, ну **вроде как сейчас пока, ч... через фирму я нашла**, ну круглосуточно как бы, это получается дешевле.

3

Никита: Сколько полноценная моделька будет стоить, в результате?

Борис: Я что / помню что ли? Я ещё тогда считал, я сейчас уже забыл.

Никита: По-моему двадцать шесть тысяч рублей.

Борис: Может быть да. Я когда посчитал всё.

Никита: Я то ли двадцать шесть, то ли тридцать пять, я насчитал короче.

Борис: Нет, ну не тридцать пять.

Никита: По-моему двадцать шесть.

Борис: **Двадцать шесть вроде**, когда ...

Никита: Ну это, да, это уже знаешь короче, детям по рукам бить.

4

Николай: А по маленькой [дочке] что я могу сказать? Вот так вот визуально, э-э, на руках на ногах сыпь **вроде как она... не видна**, и вот на шее, э-э, видно на щеках.

5

Андрей: Когда-то то придёте к пятнадцати, надо забрать.

Олег: Вот здесь что еди... пропуск, пропуск-то, пропуск, где это, нет у вас пропуска?

Сергей: **Да нет вроде**, не давали мне его.

Прим. Несмотря на то, что формально *вроде* не присоединяется к высказыванию о 1 л., наличие или отсутствия ключей – это информация о нынешнем состоянии говорящего, то есть о себе.

6

Светлана: Иди сюда. Мы ещё линолеум хотели посмотреть.

Георгий: А вот **вроде бы широкий линолеум**, но нет, или не широкий?

Светлана: Вот этот?

7

Елена: Дочка Зарецкого вам не звонила? Она должна была дозвониться.

Галина: По поводу?

Елена: Э-э, ну встать на учёт.

Галина: На при... на зачисление она хочет?

Елена: Ну они у нас стояли уже, потом у дома ветеранов были.

Галина: А сейчас обратно?

Елена: Ну да, **вроде бы как хотят**.

8

Жанна: **Я вроде договорилась с этим, с... Демидовым**, что он возьмёт группу завтра, (нрзб) чтоб я сходила туда.

9

Артём: Ты там пишешь что-нибудь?

Влад: В лайвджурнале?

Артём: Ну да.

Влад: Уже давно ничего не писал.

Артём: А там есть функция просмотра по странам?

Влад: Аудитории?

Артём: Э-э, я, я, если честно, не лазил, не смотрел.

Влад: Я з... иногда залезаю, и т... охреневаю, тут какая-то вообще...

Артём: Э-э, это ж **вроде бы как, он многонациональный?** Ресурс?

Прим. Прилагательное *многонациональный* относится к разряду относительных, поэтому обозначает не градуальный признак. Предположение о том, что воспринимаемая неуверенность для этого контекста будет ближе к значениям высказываний о 3 л., подтвердилось.

10

Марк: Х**вый какой-то насос. Не рабо... не работал, и **вроде бы кончился**.

Евгений: Это не наш насос, серьезно.

Марк: Ну, может быть.

11

Виталий: Я у вас как-то был. Я помню, что... **вроде бы был**, и недалеко это было от площади Победы. А тут вот понесло меня, э-э...

Любовь: А куда вас понесло?

12

Сергей: (...) я более-менее вот на сегодня освободился, чтобы сегодня заняться там, завтра этим ремонтом. Но так совпало, что это вот на один день получается опоздание от лёшиного графика, потому что нужно было вчера этим заниматься, чтобы сегодня Лёша продолжал всё делать.

Александра: Так он не может делать что-нибудь другое, нет?

Сергей: Да ничего он всё... он не может ничего делать, ну полы надо в первую очередь, он сделал в кухне и в коридоре. **Всё уже вроде как сделал.**

13

Елена: Целых шесть месяцев мы не будем слышать, что им пора на работу.

А кстати, ты слышала, что Димку пригласили в «Космос» играть?

Надежда: Да, наслышана. **Вроде бы третьего марта.** Да?

14

Любовь: В Академии права, на Чернышевского. Марин, слушай, может, ты тогда сделаешь... **Вроде как пятнадцатого апреля вступает в действие новый закон о наркотиках,** который сильно ужесточает все. Опять ставит наркоманов в категорию преступников.

Марина: А ты откуда знаешь?

Любовь: Я по этому поводу беседовала с Тофиком.

Прим. По-видимому, отсылка к третьему лицу (*беседовала с Тофиком*) сильно увеличило уровень воспринимаемой уверенности сообщения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Соотношение *вроде* в речи людей разных возрастных групп в транскриптах непубличной речи УП НКРЯ

	<i>Год рождения</i>				
	<i>до 1920</i>	<i>1921-1940</i>	<i>1941-1960</i>	<i>1961-1980</i>	<i>1981-2000</i>
Всего в выборке	13	28	55	11	148
Частица (всего)	8 (61,5 %)	26 (92,9 %)	55 (100 %)	11 (100 %)	140 (94,6 %)
Частица без спец. функций	5 (38,5 %)	21 (75 %)	38 (69 %)	4 (36,36 %)	99 (66,9 %)
Ксенопоказатель	2 (15,4 %)	2 (7,1 %)	11 (20 %)	5 (45,45 %)	16 (10,8 %)
При противительной конструкции	1 (7,7 %)	3 (10,7 %)	6 (11 %)	2 (18,18 %)	25 (19 %)
Предлог	5 (38,5 %)	2 (7,1 %)	0	0	8 (5,4 %)

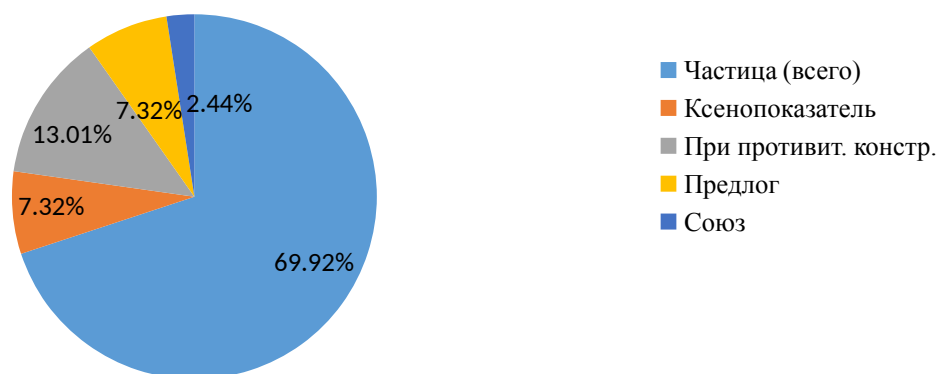
Прим.: Полужирным шрифтом выделены первая и вторая по частотности функции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Соотношение *вроде* в речи мужчин и женщин в транскриптах непубличной речи УП НКРЯ

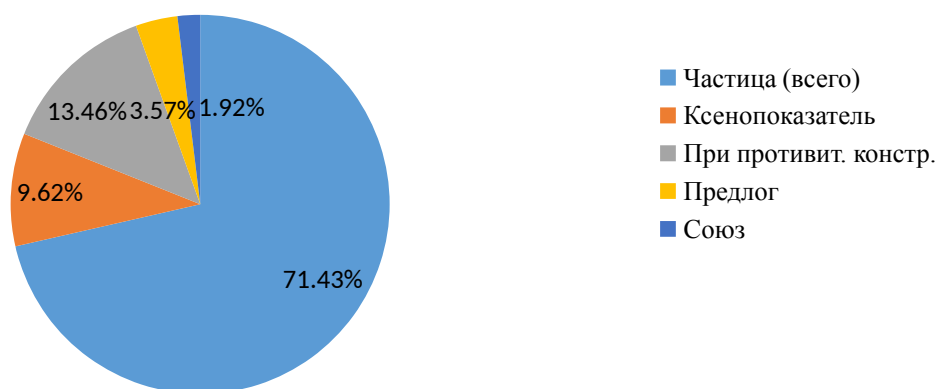
Абсолютные показателиХ	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
<i>Всего</i>	96	283
<i>Частица (всего)</i>	86	260
<i>Ксенопоказатель</i>	9	35
<i>При противит. констр.</i>	16	49
<i>Предлог</i>	9	13
<i>Союз</i>	3	7
<i>Всего слов в УП НКРЯ</i>	675 203	1 133 214

Соотношение функций в речи женщин и мужчин

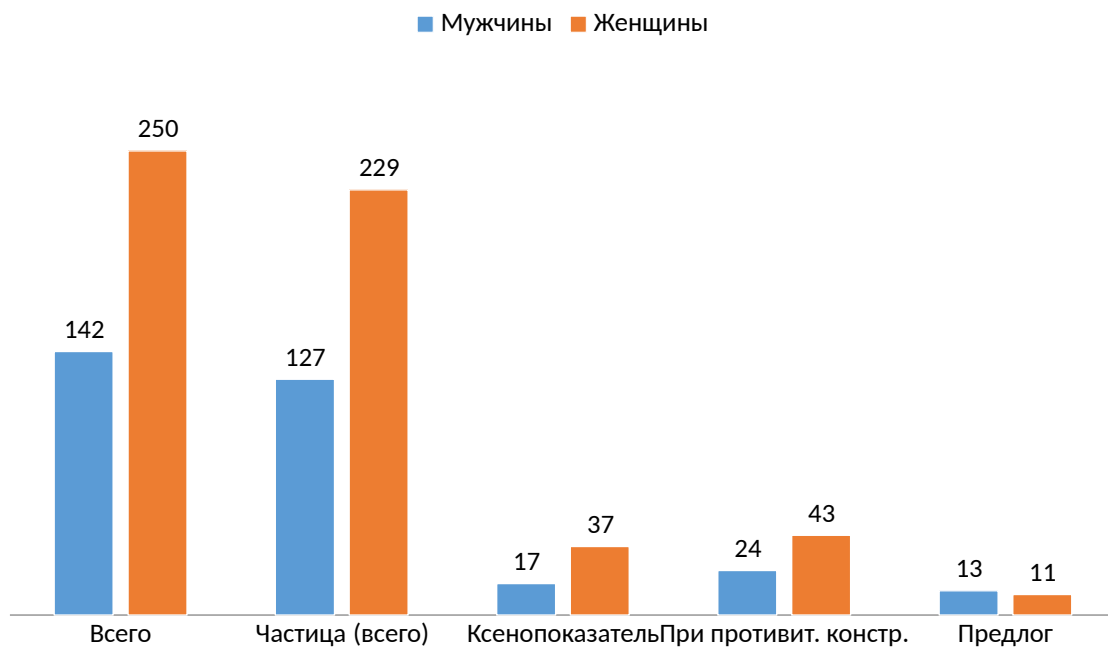
Мужчины

Женщины

Соотношение функций в речи мужчин и женщин в сравнении (в ipm)

Формула подсчёта ipm (items per million)

кол-во словоупотреблений x 1 000 000 : кол-во слов в корпусе

Всего слов в транскриптах непубличной речи УП НКРЯ:

Мужчины 675 203

Женщины 1 133 214